

Валерий Хорев

ЛУНА в тумане

Путеводитель по
боевым искусствам
для новичков

月
不
海

月
山
の
稽古

Валерий Хорев

**Луна в тумане. Путеводитель по
боевым искусствам для новичков**

«Книжкин Дом»

2008

Хорев В. Н.

Луна в тумане. Путеводитель по боевым искусствам для новичков /
В. Н. Хорев — «Книжкин Дом», 2008

Книга обобщает более чем тридцатилетний опыт автора в занятиях и преподавании боевых искусств и будет интересна тем, кто решил изучать какой-либо стиль китайского, японского или любого иного происхождения. Материал насыщен деталями и тонкостями, которые обычно отсутствуют в тренерской практике секций спортивной и гимнастической направленности за кажущейся ненужностью. Таким образом, еще до начала занятий читатель сможет составить достоверное представление о мире боевых искусств, его разновидностях и особенностях, чтобы на основании этого сделать правильный выбор и избежать ошибок.

Содержание

Луна в тумане	8
Предисловие	9
Глава 1	12
Будо, бу-дзюцу[10] и все остальное	16
О закалке конечностей	25
О разрушении предметов	28
Религия и боевое искусство	39
Глава 2	45
Самурайское кобудо	48
Полицейское кобудо	50
Шпионское кобудо	52
«Простонародное» кобудо	57
Шест	59
Тонфа	62
Нунчаку	64
Серпы, «вилки» и прочее железо	69
Японский меч: реальный и виртуальный	73
Человек и оружие	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Валерий Хорев

Луна в тумане

Путеводитель по боевым искусствам для новичков

Хорев Валерий Николаевич (Ростов-на-Дону)

Общий стаж занятий – свыше 30 лет.

Каратэ-до, айкидо, окинавское кобудо, тайцзи-цюань, цигун.

Является автором книг:

- Круги на воде. Окинавское кобудо в современной жизни. – Ростов н/Д: Феникс, 2001;
- Твой нож (в соавторстве). – Ростов н/Д: Феникс, 2001, 2007, 2010;
- Цигун и йога (в соавторстве). – Ростов н/Д: Феникс, 2002, 2003;
- Антиквариат. – Ростов н/Д: Феникс, 2003, 2005;
- Японский меч. Десять веков совершенства. – Ростов н/Д: Феникс, 2003, 2007, 2009, 2010;
- Реконструкция старинного оружия. – Ростов н/Д: Феникс, 2006, 2009, 2011.
- Оружие из булата и дамаска. – Ростов н/Д: Феникс, 2004;
- Реставрация оружия. – Ростов н/Д: Феникс, 2007, 2009;
- Цигун для начинающих. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
- Японское оружие крупным планом. – Ростов н/Д: Феникс, 2010.

Книга предназначена для широкого круга читателей, в основном – для молодежи, кто только собирается заняться любым из множества стилей боевого искусства, но не в состоянии сделать правильный выбор. Те, кто уже практикует боевые искусства и успел достичь определенного уровня, найдет в книге массу методических тонкостей и нюансов, малоизвестных даже в среде инструкторов и спортсменов высокого ранга. Написана простым, доступным языком, без специальной терминологии, включает огромное количество информации и живых примеров из более чем 30-летнего опыта автора в занятиях и преподавании восточных единоборств.

– **Глава 1.** Посвящена проблемам мотивации и выбора направления занятий;

- **Глава 2.** Посвящена применению оружия в боевых искусствах, а также всем сопутствующим проблемам: моральным, техническим, мистическим, юридическим и т. д.;
- **Глава 3.** Посвящена искусству правильного дыхания и энергетике человека;
- **Глава 4.** Посвящена умению правильно перемещаться в пространстве;
- **Глава 5.** Посвящена искусству боевых криков и мнемоническому цигуну;
- **Глава 6.** Посвящена проблеме учебных и реальных поединков;
- **Глава 7.** Рассказывает о пользе и тренировке образного мышления;
- **Глава 8.** Посвящена формальным упражнениям и комплексам;
- **Глава 9.** Об удивительных людях и событиях из мира боевых искусств.

Послесловие: освещаются различные аспекты, не связанные друг с другом.

Книга выгодно отличается от прочей литературы по боевым искусствам тем, что не имеет выраженной стилиевой привязки, а касается общих моментов, одинаково интересных представителям всех направлений.

© Хорев В. Н., текст, оформление, 2011

Луна в тумане

Посвящается Валерию Гридасову

**Вы ошибаетесь,
если думаете, что Будо это средство стать сильным
и побеждать всех врагов.
Для истинного Будо
нет ни противников, ни врагов.
Истинное Будо – это быть одному со вселенной!**

(Морихэй Уесиба)

Предисловие

Обычно считается, что шлем очень тяжел.

Но когда человек нападает на замок или другое укрепление, и стрелы, пули, камни, куски дерева и другие предметы летят вниз, то шлем вовсе не кажется тяжелым

Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ

Прежде всего следует извиниться перед знатоками классической японской литературы, поскольку название книги – «Луна в тумане» – ни в коей мере не является авторским. Так именовался сборник чудесных рассказов Уэда Акинари, появившийся на свет не так уж давно – во второй половине XVIII века. Однако было бы наивно полагать, что столь популярный поэтический образ есть находка почтенного японца, и никто до него – ни в благословенной Ямато на протяжении примерно десяти веков, ни в Китае на протяжении примерно трех тысячелетий – не использовал ночное светило в данном качестве. Поэтому я с легкой душой последовал тропой предшественников, ибо, как диск луны скрыт призрачной пеленой тумана, так многое из действительно ценного и необходимого на пути изучения боевых искусств остается в тени и даже не упоминается в сотнях и тысячах спортивных секций и клубов, через которые проходят сотни и тысячи желающих стать частью этого манящего и экзотического, как им кажется, мира.

Что касается эпитафии, то его смысл достаточно прозрачен и может быть кратко выражен японским то ли присловьем, то ли афоризмом: «В суете мирской не забывай о смутах», а по-русски – не жалея о пролитом на тренировках поте, чтобы не пришлось сожалеть о собственной лени!

И раньше, и теперь новичок, решивший изучать боевые искусства, по большому счету остается в полном или частичном неведении относительно предмета своего упования, его философии, разновидностей, отличия от других стилей и школ, а также собственного близкого и дальнего будущего на избранном пути. А заодно и о ловушках, подстерегающих в самых неожиданных местах.

Данная книга обобщает личный опыт автора в тренировках и преподавании нескольких разновидностей боевого искусства: ушу, кобудо и тайцзи-цюань (каковой является одним из стилей ушу). Сюда можно было бы добавить цигун, но эта «наука» не относится напрямую к боевой традиции, оставаясь ее фундаментом, а заодно самодостаточной оздоровительной практикой.

Тот, кто действительно собирается с нуля приступить к занятиям, должен внимательно изучить разделы, посвященные классификации школ, их сильных и слабых сторон, проблемам выбора достойного тренера и т. д. Те, кто уже более или менее долго подвизается на этом поприще, с интересом обнаружат массу нюансов, касающихся дыхания, энергетики, умения правильно смотреть, двигаться и других жизненно необходимых вещей, большинство из которых вообще не фигурируют в учебных программах секций, особенно спортивно-состязательного толка.

На мой взгляд (который разделяют многие опытные мастера, отягощенные собственными школами и увенчанные высокими степенями), любая *соревновательность* вообще является крайне вредной в среде боевых искусств, потому что отвратительная жажда первенства, точно яд, исподволь разъедает даже крепкую, цельную натуру. В худшую сторону меняется не только психика, но и техника, из которой выбрасывается, как ненужный хлам, вся традиционная составляющая, не приносящая явных дивидендов на ринге. Тогда как в Японии и в Китае всегда во главу угла ставился именно *путь* к цели, но никак не сама цель, у людей западного образа мышления *цель* оправдывает средства¹. А ведь фактически это всего-навсего осадок порочного американского стереотипа, составляющего основу основ их (но никак не нашей) ментальности, требующей, чтобы каждый индивид *обязательно* был амбициозен², потому что без амбиций ему не вырвать пальму первенства в нескончаемой конкуренции с себе подобными, зомбированными на лидерство.

---

¹ Однажды я лицезрел здоровенный фаянсовый кубок, приготовленный спонсорами в качестве приза для одного из чемпионов по каратэ. На нем очень красиво было написано: «Главное – победа, а не участие». Вот так!

² Именно это скверное слово фигурировало в увиденном мной когда-то на столбе объявлении о найме на работу, какими заклеены все свободные поверхности в городе. Там так и говорилось: «Требуются молодые, амбициозные... и т. д.».

Между тем для – повторюсь – нашей ментальности, принадлежащей отнюдь не к западному, а к восточному типу³, характерны прямо противоположные черты: стремление к созерцательности, поиску гармонии в любом деле, приоритет средств над успехом, философский взгляд на жизнь и т. п. Поэтому пустопорожняя «молотьба» на рингах хоть и приносит сладость побед и медали, не только не является приобщением к традициям воинских искусств Востока, но прямо и скоро уводит прочь, в никуда, как крысолов из сказки увел детей, играя на дьявольской дудке.

Перед тем как перейти непосредственно к изложению материала, должен предупредить внимательного читателя и попросить не обращать внимания на неизбежные повторы при обсуждении тех или иных аспектов боевых искусств, особенно не относящихся к техническим. Это *неизбежно* из-за обширности материала и оттого, что, казалось бы, разноплановые вещи всегда соприкасаются самыми неожиданными сторонами. И, кстати, повторение полезно – крепче запомнится. Так что расслабьтесь, читайте и получайте, смею надеяться, удовольствие!

---

³ Принято считать – и это правда – что Россия является «водоразделом» между Востоком и Западом. Так вот: как бы нам ни хотелось причислить себя к романтической окраине западного мира, мы были, есть и будем лишь чуточку обструганной и по-шлифованной, но исконной частью Азии. Отрицать это и восставать против – значит обкрадывать самих себя, так как азиатская культура и глубже, и древнее, и мощнее, и естественнее своей младшей «закатной» сестренки.

Глава 1

В моей душе покоя нет *И зачем нам все это?*

*Бэнкэй сразу же подскочил и наступил на него,
чтобы переломать ему кости и перервать
жилы...*

Сказание о Ёсицунэ

В качестве заставки к предисловию я специально подобрал старую японскую гравюру, на которой изображен буддийский монах с окованной боевой палицей, ломящийся через град мечей, стрел и копий к одному ему ведомой цели. Этот символический сюжет иллюстрирует

сложную, шекотливую и, я бы сказал, скользкую проблему – о взаимоотношении наших человеческих моральных ценностей (включая религиозные) с необходимостью результативно сражаться с себе подобными, которые во многих культурах именуются не иначе, как «братьями» и «сестрами». Собственно, здесь же мы видим и блестящее практическое решение этой проблемы, поскольку для нашего героя никаких вопросов не осталось, – действует он на диво решительно и споро, нам бы так. Впрочем, об отношении различных религий к боевым искусствам мы поговорим чуть ниже, а пока давайте обозначим главные вопросы, которые обычно возникают перед всяким, кто вдруг надумал изучать науку мордобоя в той или иной ее ипостаси.

Итак, первое: бокс или борьба?

Разумеется, под боксом следует понимать все многообразие кулачных школ, где поражающим действием является удар, вне зависимости от того, чем бьют, куда и как. Это и классический «английский» бокс, и каратэ, и шаолинь-цюань, и еще десять тысяч систем.

Борьба, под которой, опять же, подразумевается весь сонм техник от дзю-дзюцу до греко-римской, реализует свой потенциал через броски, заломы, удушения и т. п.

Тут уж выбирайте сами, исходя из личных пристрастий и задач на будущее. Безусловно, с точки зрения боевой эффективности следует отдать пальму первенства комбинированным стилям, гармонично сочетающим все элементы, как это происходит в упомянутом дзю-дзюцу, где чрезвычайно жестким броскам обязательно предшествует не менее жесткий удар, имеющий, впрочем, целью не окончательное поражение противника, а его отвлечение и раскоординацию.⁴

Упомянутые личные пристрастия просматриваются на примере пристрастий национальных. Например, общеизвестна любовь народов Кавказа и Средней Азии к «чистой» борьбе, где нужна физическая сила, оформленная в рамки несложной техники. Ни о каких ударах речи нет. Напротив, среди боксеров всех весовых категорий и рангов отчего-то полно нег... , извиняюсь, чернокожих, вообще предпочитающих подвижную деятельность – танцы, баскетбол и т. п., как в той песне: «Даже мертвый негр может играть в баскетбол». Кому что нравится.

Относительно извечного детского, абсолютно некорректного вопроса, что сильнее – бокс или борьба – могу предложить только свое личное, не претендующее на истинность, мнение. Итак, исходя из многолетнего опыта наблюдений и сопоставления увиденного, получается следующее: техника чистого удара имеет преимущества исключительно в тех редких случаях, когда бьющий обладает наработанным, стопроцентно надежным *нокаутирующим* ударом. Проще говоря, когда он однозначно «вырубает» противника на дальней и средней дистанции, до сближения в плотный контакт. Такие люди есть, их немало среди нас, я знавал многих, подступиться к которым было чрезвычайно трудно, если вообще возможно, будь вы хоть с ножом. Дело в том, что хорошо поставленный удар имеет скорость, выходящую за пределы реагирования⁵, когда любые ваши манипуляции останутся нереализованными. В этом свете «чистые» боксеры выигрывают потому, что день ото дня оттачивают две-три «коронки», буквально вгоняя их в подсознание.

Минус классического бокса, не обремененного закалкой рук, как это принято в каратэ и ушу, заключается в неизбежном травмировании своего «инструмента», т. е. кулаков, в любой мало-мальски приличной стычке. Примеров тому на своем веку я насмотрелся множество: да, эти ребята набивали морды напавшим, и даже выходили победителями по всем параметрам, только потом они две-три недели маялись выбитыми фалангами и «баюкали» свои, любовно

---

⁴ Поэтому все удары в таких школах носят мимолетный, неакцентированный характер, чем, кстати, обуславливается их неуловимость – противник просто не реагирует на лишенное признаков внешней агрессивности движение.

⁵ Опытный боец «ловит» не сам удар, а намерение атаки на фазе ее зарождения, и попросту не дает ей развиваться. Боец же неопытный или полный дилетант волей-неволей реагирует на уже свершившуюся атаку, когда что-либо предпринимать поздно.

смазанные целебными бальзамами конечности, сберегая от малейших потрясений – до следующей баталии.

Краткое резюме: если вы не «нокаутер» с молниеносным, испытанным ударом, то ваш бокс практически всегда в итоге проиграет борьбе, потому что амбал с разбитой физиономией тотчас насыдет, как медведь, и заломает с вполне оправданной яростью, даже не обладая при этом каким-то особенным мастерством.

Именно поэтому напрашивается вывод, что начинать изучение боевых искусств предпочтительнее с борьбы, хоть греко-римской, хоть дзюдо, хоть айкидо, хоть старого доброго самбо (которое, к сожалению, сегодня почти умерло). Помимо чисто утилитарных бросковых и болевых приемов все эти системы дают навык самостраховки при падениях – испытанную временем технику различных кувырков, перекатов и т. д., чего лишен бокс и что встречается в повседневной жизни на каждом шагу.⁶

Процесс овладения ударными техниками заведомо проще и быстрее, нежели мудреная наука борьбы, да и общая телесная мощь для бокса желательна, но отнюдь не обязательна, чего не скажешь о борьбе. Поэтому ориентация почти исключительно на удар не дает стимула к комплексной физической подготовке.

Разумеется, это упрощенная картина, однако реально при подготовке хорошего универсала проще обучить борца ударным техникам⁷, нежели боксера – приемам борьбы, потому что даже неумелый, никогда ничем не занимавшийся «ботаник» способен лихо стукнуть кулаком (особенно, если он при этом увесист), но он никогда, никогда не проведет эффективного броска!

Кроме того, не стоит забывать о холодном оружии⁸. В деле защиты от него борцы также имеют понятные преимущества. И последнее: очень многие имели счастье наблюдать – хоть вживую, хоть по телевидению – так называемые бои без правил, где представители (скажем откровенно, не самые лучшие) наиболее популярных современных интерпретаций боевых искусств сражаются на ринге якобы не на жизнь, а на смерть. И что? Практически все схватки уже на десятой секунде сводятся к падению на пол, валянию, катанию, кряхтению и прочей возне. Где те удары? Кто их видел? Разумеется, в большинстве случаев побеждают разного рода «душители». Даже занимательные кадры потасовок среди депутатов парламентов разных стран демонстрируют сходную картину: они толкаются, как дети, рвут друг на друге одежду и являют полнейшую беспомощность, хотя – что удивительно – многие из них (по свидетельству прессы) свободное от заседаний время посвящают боксу, каратэ и т. п., стяжав на данном поприще разнообразные и довольно высокие регалии. Вот вам – «наука и жизнь»!

Наконец, действие удара и броска на человеческий организм также, разумеется, различно. Не будем брать во внимание монстров, способных кулаком расколоть череп или сломать ребра, равно как оставим в покое силачей и «технарей», которые, не моргнув глазом, припечатывают вас оземь так, что дух вон.

На обычном среднем уровне после удара, например в голову⁹, слегка контуженный, но гораздо более озверевший противник (предполагается, что вы сцепились не с пацифистом и не с маменькиным сынком) ринется, точно бык, в контратаку – и закипит славная потасовка!

---

⁶ Даже если вам никто не дал по зубам, а просто гололед или нога подвернулась – сплошь и рядом в подобных ситуациях мы ломаем руки и ноги, не обладая элементарным рефлексом правильно расслабиться, сгруппироваться и т. п., что, кстати, блестяще, но совершенно спонтанно, автоматически, проделывают пьяные, которые умудряются выпадать из окон и автомобилей без малейшего ушиба.

⁷ Представьте себе крепкого мужика весом под центнер, способного мять противника, как тряпку, которому наскоро «поставили» пару ударов. Согласитесь, в итоге мы получаем внушительную боевую машину, заведомо лучшую, чем жилистый боксер, пытающийся столь же наскоро отработать хитроумные броски и захваты.

⁸ Методы применения огнестрельного оружия и ухода от него, равно как и приемы обезоруживания, есть тема совершенно особая, не здесь и не нам обсуждать подобную «высшую математику».

⁹ Всем известно, что в девяти случаях из десяти норовят ударить в челюсть, при том, что это не самая лучшая мишень.

А вот после средненького и даже неумелого броска вы, не будучи привычным к подобным эксцессам, либо сломаете себе что-нибудь вроде запястья или голени, или «приложите» об асфальт до потери сознания. Во всяком случае, десятисекундный шок и временная потеря ориентации (не сексуальной, а пространственной) гарантированы, – и это правда!

Очень многие способны продолжительное время тузить друг друга кулаками и даже ногами, нанося множественные повреждения различной степени тяжести, наслаждаясь как благородной дракой один на один, так и участием в массовых побоищах, то и дело возникающих на национальной, территориальной или спортивно-болельщицкой почве. Но никто, кроме тренированных борцов, не в состоянии столь же интенсивно обмениваться бросками. А если добавить еще и переломы...

***Вывод:** при прочих равных условиях в качестве отправного пункта в деле изучения боевых искусств начните с борцовской школы, чтобы потом плавно перейти к ударным техникам.*

Хотя... Как правило, хрупкая кость при этом ломается, и уж наверняка вылетают несколько зубов, не считая расквашенных губ и щек. Урон, таким образом, не смертельный, но впечатляющий и, главное, шокирующий, а еще заметный и позорный. Синяк на месте «завального» попадания в бок не увидит никто, а вот разбитую физиономию...

Будо, бу-дзюцу¹⁰ и все остальное

– А можно ли этим способом добиться бессмертия?

– спросил Сунь У-кун.

– Нет! Нельзя, – последовал ответ.

– Ну, в таком случае я не стану его изучать!

У Чен-энь. Путешествие на Запад

Как известно, нет плохих и хороших школ. Однако, хотя все (или почти все) они рождены стремлением побеждать противников, потенциал эффективности их техник различен, так как на долгом пути развития, измеряемом порой веками, первоначальная идея неизбежно претерпевает метаморфозы, затрагивающие не только тактику, но даже стратегию, или базовую целевую установку стиля. Классический пример – дзюдо, превратившееся из весьма жесткой комплексной¹¹ в чисто спортивную систему. Впрочем, ее создатель именно этого и хотел, а все прошлые и нынешние варианты так называемого боевого дзюдо есть не более чем попытки вернуться к истокам.

Существует достаточное количество схем, призванных хоть как-то упорядочить, классифицировать великое многообразие оттенков единого, по сути, боевого искусства, и я не вижу причин, почему бы не изложить здесь собственный вариант.

Например, давайте разложим пеструю мозаику стилей и школ, независимо от технического арсенала, как бы в три ящика с надписями: «боевые», «спортивные» и «оздоровительные». При этом каждая конкретная школа несет в себе весь набор указанных черт, и вопрос лишь в преобладании того либо иного, а размеры и значимость воображаемых ящиков будут разными.

Самая распространенная и досадная ошибка занимающихся (а также тех, кто только собирается начать тренировки) состоит в неумении отличить и ясно представить себе возможности и перспективы избранного направления. Именно в этом неумении таятся корни, увы, неизбежных драматических ситуаций, когда человек, прозанимавшийся три года (всего-то три года!) спортивным ушу или каратэ, оказывается абсолютно беспомощным в ситуации реальной уличной агрессии, после чего принимается аргументированно поносить «никчемный балет».

Поэтому прежде чем бежать записываться в приглянувшуюся вам секцию или клуб, необходимо честно ответить самому себе на один-единственный простой вопрос: «Зачем мне это все надо, и чего я жду от нескончаемых, тяжелых и нудных занятий?» Несомненно, можно извлекать удовольствие (хотя и несколько мазохистского плана) и какие-то общеукрепляющие моменты даже из тренировок по самой что ни на есть зверской боевой системе, но совершенно излишне строить иллюзии относительно собственной защищенности, подвизаясь, скажем, в изначально гимнастическом современном Чань-цюань. Конкретнее насчет упомянутых трех путей можно сказать следующее.

К **боевым**, действенным и эффективным направлениям относятся немногие старинные, пережившие века школы, жизненность которых проверена в тысячах и тысячах абсолютно реальных боевых схваток с вооруженными профессионалами. Их перечисление не заняло бы много времени, поскольку таковых осталось, увы, всего чуть-чуть. Это, конечно же, традици-

---

¹⁰ Здесь и далее я без дополнительных пояснений буду использовать общепринятую и общеизвестную терминологию – японскую и китайскую – так как эти короткие словечки потребовали бы для адекватной расшифровки гораздо больше привычных нам понятий. В данном случае «будо» – это «путь боевых искусств», хотя лично мне больше импонирует «бу-дзюцу», то есть «боевое искусство», где под искусством понимается техника без всякой философии.

¹¹ В авторской редакции своего основателя, Дзигоро Кано, дзюдо включало базовую ударную технику каратэ, которую он сознательно ввел для пушей эффективности.

онные клановые стили самурайского дзюдзюцу – Дайто-рю, Катори Синто-рю, Ягью-рю и некоторые другие. Это почти все разновидности окинавского (не путать с японским) каратэ, но только почти, так как и в оплоте неподдельности встречается откровенная мишура, особенно среди модернизированных популярных стилей. Это, несомненно, и подлинный Шаолинь – не тот, урезанный и оспортивленный, что преподают (скорее, демонстрируют) иностранцам за большие деньги прагматичные китайцы, а настоящий, сокровенный и многотрудный, во многом все еще закрытый от любопытных глаз досужих западных энтузиастов восточных единоборств.

Существует также ряд современных разработок, которые убедительно показывают замечательную эффективность наряду со столь же замечательной простотой. Возглавить этот перечень мог бы, например, так и не обретший почему-то популярности стиль Кадочникова. В мастерском исполнении эти «мягкие» незамысловатые движения сводят к нулю любую направленную на них ударную, бросковую или какую угодно иную технику, оставляя нападавшего либо в недоумении, либо без сознания – по выбору исполнителя.

Разумеется, все подобные системы рождены путем изучения, компиляции, упрощения и рационализации старых школ (чаще всего дзюдзюцу), что бы там ни фантазировали приверженцы России как «родины слонов». К сожалению, при таком подходе под сокращение попадают, в первую очередь, духовная, философская и этическая составляющие стили, вкладывая в руки адепта лишь голую технику атак и защит. Экономя на глубинных и тонких аспектах искусства, человек в минимальный срок получает незримое оружие, эффективность которого зависит только от собственного таланта и усердия. Поэтому современные боевые системы находят применение во всевозможных охранных структурах, элитных спецподразделениях, разведках, контрразведках и так далее. Несомненно, матерый самурай XIII века или крепкий шаолиньский монах старой закалки в мгновение ока убили бы любого из нынешних профессионалов. Но! – и монах, и самурай имели обычно за плечами, как минимум, 15–20-летний стаж тренировок и боев, суровость которых сегодня даже трудно представить, тогда как современный спецназовец обязан в сжатые сроки овладеть обширным ассортиментом дисциплин, и «рукопашка» среди них отнюдь не самая главная. Разумеется, здесь ни о каких десятилетиях не может быть и речи. Однако стоит оговориться, что героем наших рассуждений является некий средний специалист, поскольку никогда нельзя сопоставлять уникалов, подлинных фанатиков своего ремесла, каких достаточно в любые времена.

Подводя краткий итог, будет нелишне в который раз подчеркнуть, что претендовать на хорошую боевую эффективность можно исключительно как на результат усердных, невероятно тяжелых, беспрестанных занятий под руководством опытного наставника по любому из стилей боевой направленности. К счастью для всех нас, доступ к подобным знаниям для широкой публики пока что закрыт или, во всяком случае, затруднен, да и наличие в чьей-то голове подобных знаний бесполезно, если они не переплавлены в практические навыки ценой мучительных усилий, каковые, кстати (и к счастью), имеют обыкновение заодно переплавлять в лучшее качество и духовные устои занимающегося. Можно наизусть выучить методику протыкания человеческого тела указательным пальцем, но полезные знания так и останутся втуне без двух десятков лет фанатичных тренировок. Вот он, спасительный парадокс: отдав воледеленной технике потребное количество пота, боли и времени, потенциальный «протыкатель» неизбежно приходит к мыслям о ценности жизни, гуманности и миролюбии, причем такое перерождение происходит исподволь, абсолютно незаметно.

Другим разделом воинских искусств можно считать **оздоровительный**. Он имеет древние, но не повсеместные корни. Тогда как в Японии и особенно на Окинаве усилия затрачивались исключительно с целью стяжания непобедимости, за многие и многие столетия до этого в Поднебесной даосские отшельники практиковали хитроумное мастерство достижения бессмертия, как минимум – долголетия, и обретения Великого Дао. Феноменальная эффек-

тивность этих систем в плане самообороны являлась *побочным* продуктом и никогда не рассматривалась в качестве хотя бы промежуточной цели. Все эти «цветы у дороги» не стоили внимания, как само собой разумеющиеся – настолько грандиозна была конечная цель, хотя говорить о конечной цели в данном случае нелепо.

С сегодняшней точки зрения к оздоровительным можно было бы отнести те направления китайского ушу, плавность и мягкость которых позволяет практиковать их людям любого возраста и физических кондиций – от малых детушек до почтенных старцев. Нисколько не претендуя на обретение боевой мощи, сторонники этих приятных стилей находят покой и отраду, безмятежность духа и крепость тела в недрах гармоничных и, как правило, старинных школ.

Наиболее яркими представителями раздела являются, конечно, стили «великой внутренней тройки» – Тай-цзи-цюань, Багуа-чжан и Синьи-цюань (хотя, говоря откровенно, Синьи трудно назвать мягким и плавным¹²), а также многочисленные эмэйские и уданские вариации. Сюда же примыкают их японские реплики типа Найка-кэн и Таики-кэн, практикуемые выучившимися в Китае мастерами. Хотя боевая эффективность этих древних традиций поистине беспредельна (если не абсолютна), достигнута она может быть лишь десятилетиями ежедневной упорной работы над собой, причем под надзором искушенного учителя, и непременно при наличии некоей «божьей искры», которая встречается у одного из сотен, если не тысяч. Поэтому все данные стили с небольшой натяжкой можно считать решающими чисто оздоровительные задачи, тем более что базой им служит тонкое искусство цигун (дословно – «работа с Ци»). Цигун сегодня живет в сотнях разнообразных форм, но наиболее мощные, углубленные и проработанные из них принадлежат, опятьтаки, к древнейшему даосскому семейству, в противовес несколько более молодому и «внешнему» буддийскому. Разумеется, существуют превосходные корейские, вьетнамские и другие региональные школы. Об Индии и Тибете умолчим – там все свое, самобытное и непохожее.

Где-то посередине между боевыми и оздоровительными нашли себе место многочисленные и разнообразные **спортивные** стили. В эту обширную и пеструю когорту входят как почти все недавно созданные, так и выродившиеся традиционные школы. Характерный пример – соответственно, Чань-цюань и упоминавшееся спортивное Дзюдо. Если оздоровительно-физкультурный потенциал всех таких стилей весьма высок, то возможности их в боевом отношении вызывают сомнения, что и подтверждается массой примеров из нашей жизни – как занимательных, так и печальных.

В свою очередь, спортивные стили могут быть разделены на чисто спортивные и состязательные, то есть турнирные. В первом случае мы имеем продолжение благородных традиций, когда спорт понимается, как в доброй старой Англии лет 150 назад – достойное времяпрепровождение джентльменов, а состязательность и соперничество отодвинуты на вторые и третьи роли. Тренировка ради тренировки, без азарта, борьбы и погони за призом – такой подход сближает современные спортивные направления с их прототипами. Однако, как ни крути, спорт немыслим без соревнований, и когда такой подход становится единственно определяющим, тогда полностью отпадает необходимость в какой бы то ни было духовной базе, а занятия превращаются в потное натаскивание к очередному турниру с четкой и ясной целью – занять определенное (лучше – первое) место.

Если школа или стиль не имеют явно прикладного характера, а ученики занимаются просто с целью обретения гармонии духа и тела, упорно постигая всю полноту традиции – техники, ритуалов, медитативных и дыхательных комплексов, но при отсутствии явного желания или

---

¹² Достаточно вспомнить, что в прошлом хозяева купеческих караванов, пересекавших необозримые и весьма беспокойные просторы Поднебесной, при найме охраны категорически отдавали предпочтение мастерам Синьи, зная подтвержденную множеством случаев несравненную эффективность, быстроту и летальную жесткость всего великого многообразия (Синьи-цюань считается наиболее сложным из «внутренних» стилей) его приемов.

необходимости участвовать в бесконечной череде соревнований самого разного уровня, такую школу можно назвать спортивной в лучшем смысле этого слова.

Когда же основной или единственной целью тренировочного процесса становится количество призовых мест, завоеванных на всевозможных чемпионатах, а бесспорным мерилем мастерства – число выигранных схваток, тогда-то и происходит губительная подмена ориентиров, после которой ни о каком следовании традициям, равно как и об искусстве вообще, говорить не приходится. Диапазон отрабатываемой и применяемой техники катастрофически сужается буквально до нескольких самых ходовых и хорошо оцениваемых судьями элементов – какой смысл тратить время и силы на освоение удара или связки, если они заведомо не принесут желаемых баллов? Да плюс еще жесткие турнирные правила, накладывающие табу на обширную часть технического арсенала во избежание травм и увечий, что абсолютно справедливо.

Великолепной иллюстрацией сказанному служат чемпионаты по различным видам каратэ-до. Возьмем для примера наиболее массовый из них – Шотокан (или, если угодно, Сётокан). Семь или восемь из десяти побед присуждаются за обыкновенный удар «цуки» в корпус. Наиболее выигрышная связка – «пародия на подсечку + цуки» – немедленно обеспечивает проворному участнику воделенный «иппон». Конечно, находит применение еще целый ряд техник, но все они либо не оцениваются судьями вовсе, либо приносят жалкое очко, не более. И это при том, что те же молодцы у себя в додзё демонстрируют раскрепостительные наборы элементов нападения и защиты в самых неожиданных сочетаниях. Однако при появлении незначительного фактора риска дутое мастерство улетучивается, как дым на ветру, оставляя несколько максимально надежных и испытанных «коронок».

Между прочим, подобная метаморфоза характерна не только для каратэ. Этой болезни подвержены в равной степени представители всех прочих единоборств – боксеры, борцы и так далее. Реальная возможность нарваться на ответный удар или бросок заставляет делать то, чего делать как раз категорически недопустимо – рассчитывать, прикидывать и прогнозировать свои и чужие действия. В спортивной схватке это проигрыш, в настоящем бою – увечья и смерть. Раскрепостить разум, сбросить оковы и отпустить тренированное тело на волю, отдав его во власть мгновенных и безошибочных инстинктов, можно только одним способом – путем совмещения физических аспектов с не меньшими (если не с большими) по интенсивности медитативными практиками. Но, как мы помним, именно эта составляющая отброшена «за ненадобностью» всеми современными соревновательными школами. Результат налицо. А поскольку вместе со всякой там медитацией удалены заодно и специализированные дыхательные техники, требующие отдельных, вдумчивых, утонченных и самых тщательных тренировок, то всем не согласным с данной точкой зрения предлагаю посетить первые же соревнования любого ранга, сесть поближе к татами и, как говаривал Х. Насреддин, «открыть свои уши». После первых же минут схватки всё, что нужно (хрип, одышку и пр.), услышите сами.

Но и турнирно-ориентированные стили восточных единоборств еще не самое скверное, ибо лукавый человеческий разум во грехе сребролюбия породил уж вовсе отвратительное, а именно – всевозможные шоу, «восьмиугольники», «бои без правил» и тому подобные, чисто коммерческие, мероприятия. Именно там находят, образно говоря, свою смерть подавленные искусству мастера и целые направления, поскольку отбор техник происходит по ранее вообще немислимому параметру – зрелищности и эффектности. Неодолимые законы шоу-бизнеса требуют от участников хорошо видимых, амплитудных, размашистых и «страшных» движений, доступных пониманию пьющей пиво публики. Требуют прыжков, кувырков, подсечек и «вертушек» – короче, всей мишуры, за которую, собственно, и платятся деньги. Нокауты и кровь обязательны, ибо кому интересно вместо шестираундовой мясорубки наблюдать тихое падение тела в результате незаметного глазу мгновенного движения на первой минуте схватки?

В общем, с такими течениями все понятно, и они не заслуживают разговора. Можно добавить лишь то, что в подобных игрищах никогда не принимают участия сколько-нибудь значительные мастера, имеющие вес и имя в соответствующих кругах. Уровень шоу – это средний уровень, не более. Если на арене современный гладиатор безо всякого вреда переносит десяток «сокрушительных» атак с тем, чтобы тотчас самому ринуться в наступление, то зачем пускаться в рассуждения об искусстве держать удар, поскольку держать, увы, нечего. Когда Ояма бил быков в лоб, те валялись наземь и не помышляли о реванше, а когда Коичи Тохэй, уже будучи маститым дзюдоистом, в ответ на приглашение Уесибы «атаковать любым способом» попытался его схватить, то с удивлением осознал себя лежащим на татами, и притом никак не мог вспомнить, каким образом он занял горизонтальное положение. Подобных увлекательных историй существует великое множество, но все они укладываются в простую схему – подлинное мастерство всегда молниеносно и однозначно, вариантов нет, а реальная схватка с реальным мастером заканчивается, не успев начаться.

Когда сегодня такое количество школ гордо объявляют себя практикующими «полный контакт», тем самым они признаются либо во лжи, либо в явной неэффективности своих методик тренировки. Действительно *полный* контакт при *правильной* (то есть традиционной) реализации несет увечья и смерть, что, конечно же, абсолютно недопустимо. Конкретная техника не играет при этом особой роли, так как любые перемещения своего тела в пространстве легко заполнить тем или иным содержанием, четко поставив перед собой соответствующую задачу – «чего я хочу?» Научиться, грубо говоря, бить морды? Убивать? Подтянуть здоровье и привести в гармонию тело и дух? В зависимости от цели придется подобрать соответствующие ей методы и настроиться на более или менее длительный период вроде бы безрезультатных занятий, пока идет процесс внутреннего накопления и сортировки материала, который когда-нибудь, в единый миг (а это всегда происходит именно так) не обернется новым качеством.

Специально для тех, кто охоч до «тайных знаний» и волшебно эффективных «секретных» приемов, овладев которыми в кратчайший срок, можно без особого труда сделаться грозным бойцом, хотелось бы привести старинную вьетнамскую притчу.

Один юноша был прямо-таки помешан на изучении упражнений. Не было учителя, которого он не замучил бы своими расспросами, не было приема, который бы он не отработывал. И вот, после многих лет занятий он решил, что постиг все существующие приемы, и отправился странствовать, чтобы найти равного себе и померяться с ним силами. Забрел он как-то в лес и увидел старика, который, не замечая ничего вокруг, наносил удары кулаком по дереву – то быстро, то медленно, то сильно, то слабо. И так все время без перерывов, без усталости. Удивившись, юноша подошел к старику.

– Дедушка, чем это вы занимаетесь?

Не прекращая своего дела и даже не обернувшись, старик спокойно ответил:

– Отрабатываю удары, сынок.

Обрадовавшись, будто он напал на клад, юноша подошел поближе и торжественно произнес:

– Остановитесь, дедушка! Испробуйте лучше на мне свое искусство!

– Можно. Не будем терять слов!

И вот два бойца стали друг против друга. Первый стоял прямо и твердо, как дуб, второй же легко передвигался, проделывая сложные красивые движения.

– Держись! – крикнул вдруг старик и с быстротой молнии нанес молодому удар в грудь, от которого тот свалился на землю. Считая, что поединок закончен, старик повернулся к дереву и продолжал молча бить по стволу, словно бы ничего не произошло. Юноша пришел в себя, поправил одежду и почтительно обратился к старику:

– Скажите, каким приемом вы меня свалили?

– Какой там прием! Отрабатывай лучшие удар – он должен быть быстрым и сильным. Ударил быстро – попадешь в цель, ударил сильно – собьешь с ног!

Здесь и кроется простой секрет, в котором, как в волшебном зеркале, отражается самая суть традиционного понимания техники и тактики поединка. К сожалению, этот испытанный веками путь показался сегодняшним адептам кулака слишком примитивным, а потому скучным. В ходу принципы, которые исповедовал наш юноша, то есть процесс направлен не вглубь, а как бывширь, и рассчитан на увлекательное постижение все новых и новых приемов, связок, комбинаций и техник. Ничего плохого или зазорного в этом нет, и большинство из нас занимается, скажем прямо, ради удовольствия. Это не более чем хобби, без претензии на достижение каких-то великих рубежей. Нужно лишь не обманывать себя и отчетливо сознавать, что тем самым мы получаем в руки деревянное ружье, не способное защитить в минуты опасности, но очень похожее на настоящее.

Может быть, ответ на наши сомнения заключается в строчках из «Дао Дэ Цзин»:

*Великое совершенство похоже на изъян,
Великая полнота похожа на ущерб,
Великое мастерство похоже на неумение,
Великое красноречие похоже на косноязычие.*

Однако там же читаем:

*Сложное и простое завершают друг друга,
Длинное и короткое вымеряют друг друга,
Высокое и низкое друг друга определяют...*

Увы, чаще всего дорога к простому пролегает через непростое, и, как гласит древняя пословица, «чтобы расслабиться, нужно вначале напрячься, а чтобы напрячься, нужно сначала расслабиться». Кстати, любопытно – почти все создатели «мягких» гуманных школ в юные годы прошли через сущий ад традиционных силовых стилей, и были очень даже не слабы физически. Например, тот же Морихэй Уесиба: сравните фотографии почтенного умиротворенного старца с его же изображениями в молодости, где с пожелтевшей бумаги огненным взором глядит литой молодец, – то ли гиревик, то ли культурист.

Если уж вы избрали для изучения какой-либо традиционный, то есть жесткий и реалистичный, стиль (с оружием ли, без него), *никогда* не пытайтесь деформировать технику, умягчать ее и приспособливать под нынешние реалии. Она рождена в иных условиях и с иными целями, ей нет и не может быть места в современном спорте, иначе чемпионаты венчались бы похоронами.

Коль скоро каратэка целенаправленно и осознанно оттачивает тысячекратными повторениями априори фатальный для противника удар, он никогда не должен в угоду правилам поединка или чему-либо иному менять и сдерживать наработанного рефлекса, иначе в действительно критической ситуации подобное разночтение сослужит ему дурную службу. Если вы не согласны с таким подходом или он вступает в противоречие с вашими моральными установками, тогда вообще нет смысла практиковать традиционные стили, а стоит подумать о своей реализации на спортивном поприще.

В давние времена никаких побед «по очкам» не признавали, и заурядный поединок двух мастеров чаще всего завершался смертью или инвалидностью одного из них – во избежания проблемы скверного судейства. Этот своеобразный обычай в известной степени способствовал воспитанию миролюбия и вежливости в отношениях между людьми, поскольку заставлял

постоянно контролировать собственное поведение и речь. За развязные манеры, за длинный язык приходилось отвечать полной, подчас высшей, мерой. Привыкший давать волю гневу и рукам долго не жил, так как даже вполне квалифицированный задира рано или поздно нарывался на гораздо более искушенного бойца, а подбитым глазом дело не ограничивалось.

Какому-нибудь психоаналитику было бы любопытно именно в такой плоскости поискать причины того, почему пресловутая японская вежливость никоим образом не присуща россиянам. Ну чем на протяжении всей нашей истории рисковал буйный мужик, ввязываясь в драку с себе подобными? Об этом очень любят рассуждать приверженцы «русского стиля», живописуя сцены стеношных боев, которые якобы велись по строгим правилам – «лежащего не бить», «в спину и ниже пояса не бить», и так далее. Вполне возможно, что так оно и было, и ничто не мешало раз за разом выходить и тешить молодецкую удаль чесанием кулаков, расплачиваясь за потеху максимум выбитыми зубами. Отсутствие тормозящих факторов давало возможность процветать буйству «широкой души», не сдерживаемой страхом и сомнениями. С тогдашней (да и с нынешней) точки зрения почти все традиционные восточные техники почитались бы изуверскими и запретными. Но ведь побиение физиономий на Масленицу и борьба за собственную жизнь – вещи немного разные, не так ли?

Вот что пишет Араи Хакусэки (1657—1725) о необходимости постоянно следить не только за движениями и поступками, но даже за речью:

«Никогда не говори никому в лицо, что у тебя острый меч. Когда я был молод, кто-то услышал, как один человек похвалялся своим мечом, заявляя, что он рубит великолепно, и сказал: «О, Небо, вы ведете себя так грубо, как будто рядом с вами никого нет. Неужели вы думаете, что кто-то будет носить меч, который рубит плохо? А ну-ка, убедитесь сами, рубит мой меч или нет!» С этими словами он обнажил клинок. Только потому, что его удержали, ничего не произошло».

Однако, если уж ты осознанно или случайно сказал «А», будь готов сказать «Б» и идти до конца. В этой связи встает непростой вопрос об адекватности ответа на агрессию. В привычном виде речь идет о следующей схеме развития конфликта, хорошо знакомой почти каждому:

он обозвал – я обозвал;
он толкнул – я толкнул;
он кулаком – я кулаком;
он ногой – я ногой.

И так далее, вплоть до валяния по земле или использования всевозможных палок, булыжников и прочих подвернувшихся предметов. К сожалению, при всей кажущейся логичности подобный алгоритм поведения никак не способствует укрощению агрессии, не говоря уж о пресечении оной еще на стадии зарождения.

Лесенка адекватности ответа на «вопрос» лишь порождает новые «вопросы» и дает возможность нападающей стороне контролировать этот процесс, форсируя или тормозя ход событий удобным для себя образом. Это бесперспективно и в корне неверно! На деле хулиган и хам, привычно запустив механизм развития конфликта, должен вдруг с удивлением осознать, что уже не владеет ситуацией, а предвкушаемая стычка развивается в геометрической прогрессии и самым неприятным образом. Корейский афоризм гласит: «С противником не следует драться – его нужно бить!» Попросту говоря, толкнув и ударив вас, агрессор должен получить в ответ те или иные, но – предельно концентрированные, неадекватно жесткие и неожиданно серьезные действия. Не следует задавать глупых вопросов типа «что это он затеял?», «не сошел ли он с ума?», «не стыдно ли?», «осознал ли он свою неправоту?» и – «может, хватит?». Бейте его вдребезги, чтобы у него не было даже сил взмолиться о пощаде. Ваши возможности в подобном благом начинании – это ваше личное дело. Не умеете – не беритесь вовсе!

Именно поэтому настоящие мастера, вполне сознавая свой потенциал и вероятные последствия, всегда проявляли и проявляют в кризисных ситуациях безграничное терпение и готовы на изрядные уступки, лишь бы оттянуть или предотвратить роковой момент начала стычки, после которого остановки быть уже не может. Зато, решившись вступить в битву, идут до конца, без компромиссов и колебаний, что всегда является для любителя «просто помахаться» крайне неприятным сюрпризом. В какой-то мере такой психологической настройкой может служить показателем глубины постижения традиции и мерилom вашей зрелости как мастера.

*Умелый боец не драчлив.
Тот, кто умеет сражаться,
не дает волю ярости.
Тот, кто умеет побеждать,
не вступает в схватку!*

(Дао Дэ Цзин)

По этой же причине столь нелегко шел процесс адаптации старых реальных стилей к современным условиям – зачастую путем деформаций и замещений как в методике тренировок, так и в техническом арсенале школ. В первую очередь это коснулось целевых ориентиров и моральных принципов, в меньшей степени – используемой базы приемов, откуда «всего-навсего» ушли эффективные, но, с сегодняшней точки зрения, безусловно зверские действия, позволявшие в свое время умертвить вооруженного до зубов лихого противника. Когда из-за спины исчезает тень худого арбитра с косой, то вместе с ней исчезает единственно верный тренер и советчик, не позволявший когда-то заблудиться в дебрях поверхностной фальши и циркачества.

Вырождение коснулось решительно всех истинно старых, действенных направлений. Ярким примером тому служит скорбный путь, пройденный достославным дзюдо от своего зарождения до нынешних олимпийских высот. Когда доктор Дзигоро Кано модернизировал традиционное дзю-дзюцу школ Синьё-рю, Кито-рю и Сэкигути-рю, он вполне сознательно и основательно сместил акценты, сделав упор на физкультурную и воспитательную стороны в ущерб реальной боевой эффективности. Тем не менее дзюдо оставалось хорошей практичной школой, включавшей, между прочим, обширный раздел ударных техник, взятых создателем отчасти в каратэ. Не забывалась и работа с оружием. Но дальнейший «прогресс» все дальше уводил дзюдо от старых корней, и в итоге оно превратилось в обыкновенную борьбу, не хуже и не лучше той же греко-римской. Безусловно, какой-нибудь перворазрядник способен лихо и даже красиво переломать кости неискушенному противнику, но о противостоянии опытному боксеру, литому борцу-вольнику или вооруженному финкой хулигану речи быть не может, хотя каждая из перечисленных ситуаций является априори решаемой методами породивших «мягкий путь» самурайских стилей.

Аналогичная судьба постигла многие направления некогда боевого искусства по всему белу свету – от китайского ушу до корейских, малазийских, индийских и прочих традиций, в которых очень постепенно, будто песок сквозь пальцы, оказался вымыт почти весь практический смысл движений, что неизбежно превратило их в формальные гимнастические комплексы, никак не работающие в условиях мало-мальски реального поединка, не говоря о сражении с несколькими вооруженными головорезами, нападающими бешено, одновременно и хаотично.

Худо-бедно, традиции еще теплятся в недрах до сих пор во многом закрытых клановых школ дзю-дзюцу и в тому подобных «тихих омутах», а также в среде современных профессионалов, по долгу службы вынужденных вступать в рукопашные схватки. И хотя ничего особенно

хитроумного методики их тренировок не содержат, есть целый ряд технических и тактических тонкостей, которые не следует выставлять на обозрение широких народных масс. Поэтому не нужно радоваться полноводному потоку некогда совершенно закрытых и доступных исключительно «для служебного пользования» пособий, наводнивших сегодня книжные прилавки. Коммерческое рвение опубликовать всё и вся, что только может иметь потребительский успех, способно обернуться бедой и бумерангом ударить по любому из нас.

Когда-то в школу каратэ, а тем более дзю-дзюцу попасть было не так просто, как в наши дни, а уж зазывать учеников и вовсе почиталось абсурдом. Претендент (разумеется, мы говорим о хороших, традиционных школах) проходил через сито хитроумных тестов, которыми в первую очередь определялся его моральный и психологический уровень, оценивались духовные качества. Например, некоторые мастера имели привычку во время предварительного собеседования выплескивать чай в лицо кандидата, внимательно наблюдая за его реакцией. Излишне самолюбивым и вспыльчивым тотчас указывали на дверь. Это позволяло сразу отсеивать людей незрелых, не готовых без вреда для себя и окружающих воспринять любую из подлинно эффективных техник.

В современных условиях всеобщей изнеженности и лени наряду с открытостью и доступностью большинства древних традиций подобный отбор происходит, к счастью, автоматически. Нам, детям стремительного века, попросту неумоготу неторопливо, год за годом, тащить огромный, тяжкий воз тренировок по освященным веками методикам. А потому лишь истинно целеустремленные, упорные и здоровые натуры способны обрести желаемые боевые возможности. Даже когда такая личность поначалу не вполне соответствует строгим моральным критериям, то в процессе изнурительных занятий неизменно происходит ломка старых и обретение новых, куда более возвышенных, ценностей. Как говорится: «Мы делаем каратэ – каратэ делает нас». До некоего предела успешно продвигаться способен практически каждый, поскольку на первых этапах всякая техника является всего-навсего телесной геометрией и аэробикой, имитацией традиции, если таковая вообще присутствует. Но герой не должен строить на свой счет иллюзий, полагая себя носителем волшебных знаний. В стычке с обыкновенным уличным босняком он неизбежно будет жестоко, да еще и с обидными прибаутками, побит. Печальных примеров тому великое множество, а желающим потешить распаленное воображение подобной тематикой можно рекомендовать известную книгу А. Тараса «Боевая машина». Применительно к стилям, построенным на работе с традиционным оружием, все вышесказанное приобретает особое значение и остроту, в первую очередь в плане отбора кандидатов, поскольку изучаемые дисциплины предполагают искусство обращения с предметами, относящимися, по определению органов правопорядка, к ударно-дробящим. А коль скоро есть чем, найдется и что раздробить. И если даже неумелый, случайный удар простой палкой может привести к весьма негативным последствиям, что же тогда говорить о тщательно отработанном ударе вовсе не простой, а очень даже специальной палкой из твердой древесины?

***Резюме:** выбирая стиль или школу боевого искусства Востока, отдавайте предпочтение возможно более древним, традиционным направлениям, за плечами которых хотя бы несколько веков неразрывной традиции.*

О закалке конечностей

*У вас такие перья,
У вас рога такие,
Копыта очень стройные
И добрая душа!*
«Пластилиновая ворона»

В различных школах боевого искусства отношение к закалке, или, как принято говорить, набивке конечностей (в основном рук, реже – ног), отношение меняется от полного равнодушия до принципиальной обязательности, как, например, в кёкусинкай каратэ-до. При этом упускается из виду элементарная разница между закалкой и набивкой, очевидная уже из самих этих наименований: в то время как *набивка* – это именно «обстукивание» ударных поверхностей, скажем, суставов и фаланг пальцев руки, или ребра ладони, *закалка* предполагает *укрепление* всей мышечной и костно-сухожильной системы конечности, чтобы, например, запястье не гнулось в момент контакта кулака с целью.

Закалку можно считать, в общем-то, обязательным элементом подготовки в любом виде боевого искусства, тогда как набивку – нет, и еще раз нет!

Чтобы понять причину такого неприятия набивки, нужно чуть-чуть углубиться в суть процессов, происходящих при этом интеллектуальном занятии. А суть эта кроется в осознании факта, что наше тело целиком и полностью подчиняется наполняющей его внутренней энергии¹³ (по-китайски – Ци).

Принципиальная разница в методах набивки контрастно просматривается на примере различий между шаолиньской и окинавской традициями, хотя последняя и вышла из недр первой, являясь бледным ее отголоском. То ли древнее китайское учение было передано или воспринято не во всей полноте, то ли по каким-то иным причинам, только островитянам по сей день присуще достижение поставленной цели напрямую, путем нанесения десятков тысяч ударов по стволам деревьев, доскам, камням и специальным макиварам. Однако их великие учителя практиковали более разумный и мудрый подход, двигаясь через жесткий «внешний» цигун. Неукоснительно и категорически переход к собственно набивке рук и ног о твердые предметы допускался лишь тогда, когда «Ци начинало сочиться через кожу». Проще говоря, освоение грубых ударных техник шло с запозданием по отношению к практике освоения циркуляции энергии в теле. Только так можно было избежать сиюминутных травм и пагубных отдаленных последствий для здоровья в целом. Существовали также особые секретные рецепты многокомпонентных бальзамов и растирок, изготавливаемых по всем канонам бездонной медицинской премудрости и направленных на ликвидацию неизбежных энергетических блоков и «пробок» и общую гармонизацию протекания Ци.

Сегодня, когда страсти улеглись, а мода на восточные боевые искусства прочно вошла в свое нормальное естественное русло, уже не встретишь на улицах ражих молодцев с ужасными белыми «копытами» на костяшках указательного и среднего пальцев. Но лет тридцать назад, когда я впервые прикоснулся к экзотическому миру каратэ, накал энтузиазма был невероятно высок, и мы без усталости молотили кулаками в разнообразные самодельные приспособления, погружали руки в горячий песок и крепкий рассол, дабы придать им легендарную всепокрушающую прочность. К счастью, я никогда не переступал в этих забавах некоей разумной границы, и теперь, оглядываясь на пройденный путь через призму своего и чужого опыта, могу лишь искренне пожалеть приверженцев «стальных» кулаков, чье безумное усердие заложило фун-

---

¹³ Подробно вопрос энергетика человека рассматривается далее, в главе, посвященной дыханию.

дамент множеству костных и суставных заболеваний. И потом – скажите откровенно: лично вам хотелось бы иметь *такие* руки? Хотя бы и ценой удивительной боеспособности? Ну-ну...

Можно понять окинавцев, которые были вынуждаемы к подобной практике грубыми условиями бытия, и проделывали все это, надо полагать, без особого удовольствия, не задумываясь о последствиях. Но сегодня, в нормальном современном мире, нам нет нужды проламывать доспехи, а для гарантированного поражения незащищенного тела вполне достаточно умеренной закалки своего природного «оружия». Будучи лично знаком со многими мастерами чрезвычайно высокого уровня (и спортсменами, и «практиками»), могу свидетельствовать, что ни один из них не носил и не носит на своих кулаках упомянутых «печатей» глупости. Более того, их руки совершенно неотличимы от сотен тысяч других, во всяком случае, внешне. Но если кому-то не терпится преуспеть на данном поприще, могу дать несколько испытанных практических советов:

– снаряд для набивки не должен быть твердым – лишь плотным, с мягким поверхностным слоем. Лучше всего зарекомендовали себя большие тяжелые мешки с гранулами полиэтилена, поскольку горох и фасоль слишком быстро разбиваются в труху, а песок превращается в камень. Под внешний, несущий ударные нагрузки слой следует положить тонкий войлок, который исключит болезненный «сухой» контакт кулака с наполнителем;

– не стоит делать мешок излишне тяжелым, так как может возникнуть привычка работать с инертной массивной целью, тогда как реальный противник легок и увертлив, компенсируя этим направленную на него мощь. Однако легкая снасть еще хуже – она провоцирует наработку лихой, скоростной, но изначально пустой техники, максимальным достижением которой будет подбитый глаз или расквашенный нос. Невесомые мешки и груши не позволяют «поставить» запястье, то есть сложить в единую жесткую систему всю руку, от плеча до ногтей, а тренировки с ними приводят к обычным итогам самой банальной драки – вывихнутым суставам («выбитым» пальцам);

– количество важнее качества: полезнее нанести тысячу слабых ударов, нежели сотню сильных. Кости должны не деформироваться, а перестраиваться, дайте им время на перестройку;

– до и после каждой тренировки со снарядами обязателен тщательный уход за ударными зонами. Он состоит в разминании и растирании до нагрева, скажем, костяшек кулаков. Великолепные результаты дает при этом применение растительных масел (для укрепления кожи) и снадобий типа «Троксевазин» или «Индовазин» (для подлечивания травмированной надкостницы);

– набивка есть процесс долгий и постепенный, одна минута перебора легко оборачивается месячной нетрудоспособностью. Результатом правильной методики через полгода работы будет слегка уплотненная, гладкая, эластичная кожа без малейших следов поверхностного ороговения, шелушения или перемены натурального цвета. При этом даже очень сильные удары по мешку не вызовут каких-либо болезненных ощущений.

Классическая окинавская или японская макивара служит отнюдь не для набивки рук, как принято считать у нас, а для отработки техники ударов, точнее – их резкости. Так как тонкая упругая доска, являющаяся основой данного приспособления, чутко пружинит при малейшем усилии, этим она способствует постановке классического скоростного удара, но главное – учит возвращать руку в исходное положение до того, как волна отдачи нанесет ответный щелчок. В японской терминологии этот принцип именуется «хики-тэ», дословно – «уходящая рука», и считается базовым.

Желающим вопреки здравому смыслу приобрести мертвенно-белые мозоли на костяшках кулаков советую изготовить подушку макивары из 3–5-сантиметрового войлока с покрытием из разрезанного пожарного брезентового рукава. Он имеет грубую крупнозернистую фактуру, отменно дубит руки, а порвать такую оболочку не удавалось еще никому. Тем же, кто дорожит своим здоровьем и внешностью, рекомендую аналогичной толщины пенополиуретан и обтяжку из натуральной кожи.

Набивка ребра ладони требует большего времени и производится двумя путями. Собственно набивание – на толстой деревянной плахе, сидя, положив ее на колени, а постановка удара с формированием единственно правильного положения всей руки – на описанных выше увесистых мешках.

Закаливание гребня ладони (хайто) и передних костяшек плоского кулака (хиракэн) есть процесс еще более сложный, долгий и болезненный, а бездумно набивая о доску кончики пальцев, очень просто посадить себе зрение, так как это уже напрямую связано с расположением акупунктурных точек. Не владея малодоступными методиками восстановления потока Ци по меридианам, о чем упоминалось выше, не стоит пытаться практиковать опасные упражнения.

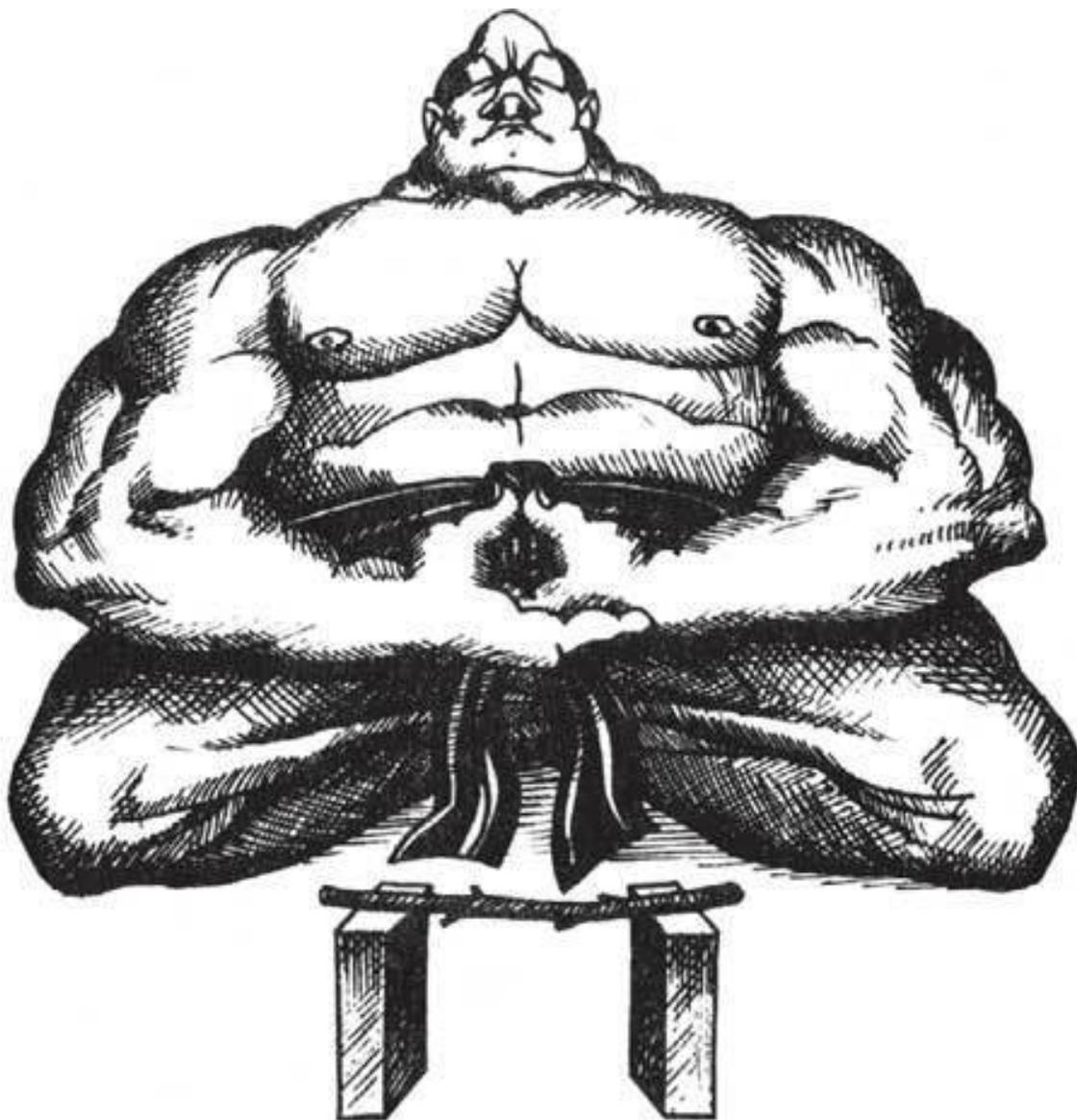
Единственная часть руки, способная нести огромную ударную мощь и почти не требующая закалки, – основание открытой ладони. Большинство так называемых «энергетических» ударов наносится именно ладонями, поскольку в центре их располагаются точки лао-гун, являющиеся двумя из пяти «ворот», через которые возможен как забор, так и выброс Ци. Именно поэтому в спортивных поединках запрещены удары открытой ладонью как потенциально опасные для здоровья и самой жизни.

О разрушении предметов

*Чудесно! – подумал Сунь У-кун —
Будь у тебя хоть чугунная башка,
Я проломлю ее своим посохом!*
У Чэн-энь. Путешествие на Запад.

Вплотную к спорному вопросу о набивке конечностей примыкает своеобразный и отчасти самостоятельный раздел боевого искусства, известный как «тамэсивари» (испытания по разрушению предметов) и «тамэсигири» (испытания по рассечению предметов).

Однако и здесь ядовитый змей сомнения норовит задать каверзный вопрос – а зачем вообще ломать и крушить предметы, да еще специально для этого особым образом видоизменять собственное тело? Исходя из многолетних наблюдений, могу достоверно сообщить, что простой здоровый мужик с намозоленными рабоче-крестьянскими ладонями способен на такие штуки, что у бывалых каратэистов перехватило бы дух от зависти.

Живой пример: давным-давно, еще в армии, где я отработывал положенные два года после института и только-только начал изучать Кёкусинкай-каратэ, к нам в группу пару раз заглянул громадный солдат с кулаками величиной с детскую голову. Очевидно, взбодрясь диковинным искусством, он не стал терять времени, а, дежуря на одиноком степном КПП, за одни сутки голыми руками переколол буквально в щепень несколько тысяч штук кирпича, заготовленного рачительным начальством для строительства нового помещения поста. Нам рассказывали, что батяня-комбат вырвал у себя остатки волос от горя и бешенства, а неукротимый терминатор был до конца службы низвергнут в свинари.

Но случай, тем не менее, показательный. Мне еще не раз доводилось сталкиваться с эпизодами, когда природная сила и масса походя творили такое, что какому-нибудь сухому, жилистому окинавцу или китайцу далось бы годами самоотверженного труда. В этом плане правы приверженцы славянизма как антитезы окаянному «востоку», разглагольствуя о национальных особенностях боевых искусств. Несомненно – рост и физическая мощь не могут не влиять на технику, тактику и результаты боя. Как говорится, «размер имеет значение».

Отдав в свое время положенную дань модному поветрию, я также переколол немало кирпичей и перебил ребром ладони немало всевозможных палок, пока не поумнел и, наученный целым рядом болезненных уроков, не понял, что наносишь этим элементарный вред здоровью, играя в разновидность «русской рулетки». Ушибы и травмы проходят медленно, прерывая тем самым тренировочный процесс, а краткий миг торжества не стоит месяца вынужденного безделья и страданий. В назидание легкомысленным почитателям экранных подвигов киногероев могу привести два вполне настоящих и грустных эпизода, имевших место, к счастью, очень давно.

В то время я лихо и безошибочно ломал лежащие кирпичи ударом пятки сверху («фумикоми»), легко разрушая даже стопку из трех-четырех изделий местной промышленности, какой-то нюанс меня и подвел. Однажды под моей командой солдаты разбирали старый, еще послевоенной постройки, котел, и коварно попросили продемонстрировать дивное искусство, на что я простодушно клюнул. Жертвой должен был стать один-единственный кирпич темно-бурачного цвета с неразборчивым клеймом – то есть добротнейшая вещь сталинской выделки. Я положил его на две подкладки, собрался с духом и привычно вонзил в него пятку ноги (к счастью, обувью). С тех пор прошло тридцать лет, но проклятая пятка до сих пор дает о себе знать. Тогда же я еле-еле сохранил лицо и чудом доковылял до общежития. Кстати, сохранности лица помогло то обстоятельство, что славный кирпич лопнул лишь после второго удара тяжеленным стальным ломом, который я нанес с вполне понятной яростью, если не сказать – бешенством. После этого случая я раз и навсегда прекратил уничтожение стройматериалов как руками, так и ногами.

Перешибать же палки меня отучили два маленьких злых мальчика пятью годами спустя, когда в пустой раздевалке школьного спортзала, умело скрыв ехидство под маской наивности, попросили перебить ребром ладони рукоятку швабры. Имей я тогда нынешний опыт в смысле знакомства с механическими свойствами древесных пород, я бы никогда не стал прикасаться к этой березовой штуке, ибо нет в наших широтах дерева более упругого и менее всего склонного к поперечному разрыву волокон (ну, пожалуй, еще ясень да акация). Однако в то время я был самоуверен, теорию сопромата успел забыть, а потому, став пониже, изо всех сил рубанул правой рукой довольно тонкую, сантиметра в два, жердь. Та, естественно, не сломалась, чего не скажешь о руке. Рентгена я не делал и гипса не носил, но что кость приобрела хорошую трещину – несомненно.

Коль скоро мы упомянули березу, то должен со всей ответственностью заметить, что ни секунды не верю в рассказы об удальцах, перебивающих голый рукой черенки лопат. Мифов-то множество, есть даже люди, самолично видевшие, как легендарный Алексей Алексеевич Кадочников прodelывал вышеупомянутый фокус. Никак не могу это прокомментиро-

вать, разве что в подобных случаях в ход идет самая что ни на есть настоящая внешняя Ци, ибо на физическом уровне перешибить качественный прямослойный березовый черенок диаметром тридцать пять миллиметров возможно, только положив его на опоры и нанеся сверху сильнейший удар ломом. Да и то велика вероятность, что ваш недостаточно тяжелый инструмент просто отскочит, будто от рессоры. Наряду с этим существуют задокументированные примеры расправы с бейсбольной битой посредством ноги и того же ребра ладони, однако там всегда бьют примерно в центр рукояти, где диаметр не превышает 15—20 мм. Как бы там ни было, это большая победа хрупкой человеческой плоти над бездушной твердью, и каждый может на личном опыте убедиться в болезненности подобных забав. Разумеется, атакуя ловкого противника, ничего подобного вы не совершите, так как живое тело принципиально отличается от намертво закрепленной палки, амортизируя и сводя к минимуму направленную в него силу.

Специально для любителей душистых историй о таинственной Ци могу рассказать два эпизода, имевших место с одним моим знакомым.

Итак, этот приятель сидел как-то на репетиции ансамбля и поджидал своего друга-музыканта. Он сидел в сторонке и от нечего делать постукивал пальцами по большущему барабану, положив на него руку. Те, кто видел такие барабаны, знают, из какой «железной» кожи выполнена их обтяжка. И вдруг он ни с того ни с сего почувствовал, как по руке от плеча покатила горячая волна, а в следующую секунду барабан с пушечным громом лопнул, и кисть провалилась в гулкие недра. Думаю, дальше последовал очень оживленный обмен мнениями.

Второй инцидент настиг его дома, когда он мирно сидел на диване и ничего худого не замышлял. Внезапно по руке пошла уже знакомая волна, и он машинально взялся за стоявшую поблизости пустую бутылку от шампанского. Раздался сухой щелчок, горлышко отделилось, будто срезанное, а само пристанище змия осталось на месте, даже не шелохнувшись.

К сожалению, не знаю, как сложилась его дальнейшая жизнь и какими еще чудесами наградило или наказало его Небо, но хочу подчеркнуть только одно – оба исхода Ци были *абсолютно* спонтанными и бессознательными, но главное – в подобных случаях материал и прочность объекта не играют ни малейшей роли.

Но самое парадоксальное в отношении тамэсивари заключается в его полнейшей бесполезности на практике. Замечательное мастерство сокрушения досок, камней и черепиц можно считать дельным лишь с точки зрения отработки навыка концентрировать духовные и физические силы на поставленной задаче, какие бы внешние факторы этому ни препятствовали. В жизни сплошь и рядом случается, что привычка «убивать» прочно закрепленные предметы оказывает своим владельцам медвежью услугу, так как подвижность противника сводит к нулю четко сфокусированную пробивную силу. Хрестоматийная формула: «Если уж попаду, то огого!» является очередной иллюзией – никто никуда не попадает! В какой-то мере то, что продельвают прыгучие таэквондисты, разбивая дощечки, которые их товарищи держат в высоко поднятых руках, имеет б`ольший смысл, нежели «провал» до земли целого штабеля шлакоблоков. Это тем более дико и странно, когда исполняется головой. Хотя – о чем горевать – мозгов-то в ней нет, одно слово – кость!

Если у читателя сложилось впечатление, что я отрицательно отношусь к тонкому интеллектуальному искусству тамэсивари, то так оно и есть. Начав свой путь в восточных единоборствах с Кёкусинкай каратэ-до, я со временем напрочь отверг эту немаловажную составляющую популярного стиля, а наблюдения последних лет окончательно убедили меня в никчемности и зловредности подобного ремесла. Судите сами: не так давно у нас проводился шоу-фестиваль, посвященный дню рождения Морихэя Уесибы. Мы выступали на нем со своей показательной программой, а попутно имели возможность поглазеть на собратьев по увлечению. Там были представители разных клубов, от «внучат» дедушки Джуна Ри с их аэробикой – до суровых последователей Оямы. Разумеется, последние демонстрировали, главным образом, искусство разрушения. Когда здоровенный сэнсэй одной из школ играючи переколел все полагающиеся

доски и брусья, это было еще ничего. Но стоило выйти на ковер весьма худошавому представителю другого клуба, как сразу начались неприятности. Их апогей наступил в тот момент, когда проворные ученики, слегка похожие своей деловитостью на чертей в аду, вынесли и утвердили в вертикальном положении сосновую балку, без малого десять на десять сантиметров в сечении. Клянусь, я никогда не рискнул бы ударить по ней даже мечом, побоявшись за его сохранность, тем более на публике. Не знаю, какие демоны толкнули вроде бы нормального каратэку на чудовищный подвиг, но только он сконцентрировался, вдохнул, выдохнул – и всадил в страшное бревно их любимый *лоу-кик*, да не чем иным, как передней поверхностью голени!

Зал содрогнулся. Возможно, будь это полено намертво забетонировано в пол, суицидальный демарш достиг бы цели. Но жесткость конструкции обеспечивалась четырьмя безалаберными учениками, двое из которых держали низ, а двое нехотя упирались в верхнюю часть. Как бы там ни было, полено сорвало с места и отбросило на добрых полтора метра – увы, неповрежденным. Между прочим, вдвое более дородный предыдущий исполнитель также потерпел фиаско на аналогичном поприще, но благоразумно не стал искушать судьбу и на вторую попытку не пошел. Публика была сплошь своя, понимающая и великодушная, а потому никто его не попрекнул. Нашему же герою под хвост попала шлея, и он решил победить любой ценой. Но, как говорится в сказке, «пришлось Кашею помереть!» Если после первого раунда он лишь слегка захромал, то второй рывок поверг его во прах, заставив нас стонать от жалости. Получасом позже, уже переодевшись, он покидал ассамблею, повиснув на руках верных учеников. Вероятно, читатель с медицинским образованием сможет легко прогнозировать всю дальнейшую клинику. А главное – кому и зачем это *вообще* нужно?

Мне посчастливилось лично знать множество замечательных мастеров, за всю свою жизнь не сломавших и карандаша. Но если всех тех, кто имел несчастье на своей пустой голове испытать силу их кулаков и ног, выстроить в затылок друг другу, такая шеренга протянулась бы от рассвета до заката, словно Китайская стена.

Совершенно иное дело, когда речь заходит о работе с оружием. Подвизаться в «оружейном» *тамэсивари* не только можно, но абсолютно необходимо, если вы не собираетесь застрять на этапе танцев с саблями. Это особенно касается техники рассеечения предметов мечом, «*тамэсигири*», поскольку никакая иная тренировка или игра воображения не в состоянии дать реального чувства клинка, пролетающего сквозь цель. Чтобы поставить руку на подлинный удар, требуется одно – бить, крушить и рассекать. Немцы говорят: «Чтобы выучиться ковать – надо ковать, чтобы выучиться стрелять – надо стрелять». Я в свое время лихо тренировался в зале с катаной и пропитался иллюзией достоверности движений. Но стоило мне на даче попробовать рубить поставленные вертикально жерди толщиной в руку или косить задубелый бурьян в человеческий рост, как немедленно проявились катастрофические ошибки, стоившие изрядного труда по их устранению.

Далее – крайне необходимо осознавать меру достаточности вкладываемой силы для достижения результата, например – перебивания палки, которой пьяный сосед желает проломить вам голову. Такое знание приходит исключительно с опытом, и никакие умозрительные построения или рассказы очевидцев его не заменят. Было бы поистине замечательно, имей мы возможность проводить тренировки в хороших армейских бронежилетах, которые позволяют без малейшего риска наносить полноценные концентрированные удары любым оружием, кроме режущего (то есть имеющего заточенную кромку). Не принципиальным, но достаточно ощутимым слабым местом здесь остается выпадение работы по конечностям, причем полностью, а жаль – как раз она-то и есть сама воплощенная эффективность. Любые иные средства защиты, кроме традиционной японской кирасы «до», не годятся для оружейной работы, поскольку легко проминаются тычковыми ударами и почти не держат круговых, передавая телу всю энергию полета тяжелых палок, хотя и перераспределенную. И абсолютно все они, вклю-

чая упомянутую «до», оставляют незащищенной спину, тем самым лишая нас целой группы действенных приемов.

Относительно защиты головы картина довольно безрадостная, разве что тренироваться в стальных средневековых шлемах, надетых на толстый набивной подшлемник, как это делают отважные господа реконструкторы, молотя друг друга настоящими (только без заточки) стальными мечами.

* * *

Хотя несколько ранее мы говорили о том, что собственно арсенал приемов не играет решающей роли в вопросе определения стиля как боевого либо спортивного, необходимо все же подчеркнуть следующее: все *боевые* системы прежде всего предполагают получение максимального поражающего эффекта от своих техник, а потому используют такие комбинации ударных частей тела, которые концентрируют вложенные силу и скорость на минимальных площадях. Отсюда обилие в традиционных школах ударов ребром и гребнем ладони, кончиками вытянутых пальцев, плоским кулаком, а также кулаком с выставленным вперед суставом среднего или указательного пальца. Подстать оружию и выбор целей: «убиению» должны предпочтительно подвергаться пах, голень, глаза, горло, области жизненно важных органов (сердце, печень, почки), позвоночник и так далее.

В этой связи не могу не вспомнить давний рассказ моего дядюшки, прошедшего две войны и дослужившегося до комбата. Так вот, в самом конце тридцатых годов, когда он был курсантом пехотного училища, в обязательную программу физподготовки входила набивка ребра ладони и пальцев обеих рук. То есть каждое утро и, если не ошибаюсь, вечер подразделения усаживали рядком, на колени им клали длинную толстую доску, и будущие красные командиры долго и ритмично били по ней указанными частями. Экзотический навык сослужил моему родственнику самую добрую службу: однажды, когда они захватили немецкие позиции и он бежал по извилистой, как и полагается, траншее, из-за поворота внезапно возник здоровенный зольдат при карабине со штыком, каковым штыком он и пырнул дядюшку в живот. Будучи молодым, крепким и быстрым, тот успел-таки сделать единственно возможное в данной ситуации: чуть отклонившись, отвел штык в сторону и моментально ударил немца вытянутыми пальцами («нукитэ» по-японски) в горло. Тот упал и был немедля добит. Урок пошел впрок!

Перейдя от грубой к гораздо более утонченной и эффективной схеме боя, мы получаем *атэми* – сложное искусство оказания строго определенного воздействия в строго определенное место (и в соответствующее время!), что предоставляет специалисту целый спектр желаемых результатов – от шока до летального исхода, причем как мгновенного, так и отдаленного во времени.

Любители подобного жанра без труда отыщут в литературе изрядное число таких эпизодов со всеми милыми их сердцу подробностями. Обыкновенно там же дается полный курс, как всего за неделю овладеть искусством, скажем, «отравленной руки» или «парализующего взгляда».

Совершенно ясно, что ни одна из упомянутых техник не может быть использована в лоне спорта, где выбор справедливо ограничен ударами кулаком вообще в корпус и вообще в голову, исключая висок и затылок, причем движения обязаны быть строго контролируемые и ни в коем случае не проносными.¹⁴

Таким образом, причина недееспособности спортсмена-рукопашника в сколько-нибудь реальной ситуации становится еще понятнее: ему не просто *отказано* в приобретении действенных навыков – напротив, весь ход учебного процесса строится на тщательном *подавлении* опасных движений и поползновений, за которые следует дисквалификация и удаление с ринга (татами). Результат сего частенько бывает написан на лице каратэиста беспардонными кулаками уличных приставал.

Итак, вырисовывается следующая картина.

1. Боевые стили и школы являются, как правило, наиболее древними из существующих. Цель их техник – максимально быстрое и однозначное выведение противника из строя, под чем подразумевается смерть или тяжкие увечья, реже – шок. Тактика схватки изначально предполагает наличие двух или более опытных, вооруженных, активно действующих оппонентов. Средством достижения победы служит комбинированная техника, включающая жесткие разрушающие удары по самым уязвимым зонам тела, а также эффективные скоростные броски и болевые захваты, *исключающие* какое-либо дальнейшее сопротивление. В полной мере под это определение вряд ли попадает хоть одна из ныне здравствующих традиций в силу естественного вырождения в отсутствие питавшей их некогда жестокой среды нескончаемых смертельных стычек. Но максимально близко к идеалу стоят такие направления, как ряд школ самурайского дзю-дзюцу (Дайто-рю Айки дзю-дзюцу, Катори Синто-рю, Косима-рю, Ягю Синкагэ-рю и некоторые другие), традиционный, неспортивный и некоммерческий, «закрытый» Шаолинь (и северный, и южный), отдельные современные разработки и компиляции старых техник (стиль Кадочникова, боевое дзюдо), а также сохранившиеся на архипелаге Рюкю древние стили Тэ и окинавских каратэ и кобудо – в противовес модифицированным японским аналогам.

Да простят меня знатоки-энциклопедисты, если я без всякой хитрой мысли не упомянул каких-то баснословно замечательных корейских, вьетнамских и прочих школ, но в мою задачу не входило составление перечня стилей со сравнительным анализом их достоинств и недостатков. Кроме того, подобный обзор был бы весьма затруднен из-за наличия решительно в каждом направлении великих мастеров, виртуозов, способных продемонстрировать свои техники в любых условиях и с любой степенью убедительности. Но повторяю: такие живые раритеты никак не характеризуют стиль в целом, поскольку их удел – совершенство вне зависимости от чего бы то ни было. И потом – история знает массу примеров того, как один человек достигал высот мастерства сразу в нескольких, порой диаметрально противоположных школах.

Пытливым любителям знать все обо всем рекомендую обзавестись полезным своей полнотой энциклопедическим справочником «Боевые искусства» А. Тараса.

Своеобразной «экологической нишей», давшей пристанище жестким боевым направлениям, стали в наши дни закрытые и полужакрытые подразделения всевозможных разведок, спецназов и полиций, хотя как раз полицейские техники стоят в этом ряду несколько особняком в силу специфики задач, требующих не смерти или увечий, но иммобилизации, обезоруживания и конвоирования преступника, по возможности, не очень поврежденного. Поэтому

---

¹⁴ Проносным называется удар, движение которого не останавливается в «мишени», а проходит как бы насквозь. Разумеется, при контакте он вгоняет всю свою энергию в препятствие.

арсенал приемов подбирается здесь соответствующим образом: в меньшей степени удары, в большей – замки и заломы. Такие цели блестяще достигаются использованием, например, айкидо как чрезвычайно гуманной системы при всей ее неоспоримой эффективности.

Но все же боевая ориентация гнездится, в первую очередь, в глубинах *психики* каждого занимающегося, в том хитросплетении личных моральных и духовных ценностей, которое и определяет подбор целей и установок, откуда, порой неосознанно, следует предпочтение конкретным стилям и техникам. Проще говоря, кого-то бесполезно натаскивать по программе самого что ни на есть суперспецназа, но одновременно некто другой, занимаясь банальнейшим спортивным таэквондо, вырастает реальным бойцом.

И последнее: освоение любой из упомянутых истинно боевых традиций по классической методике есть заведомо жестокий, болезненный и длительный процесс, который никоим образом не может являться чем-то вроде хобби с необременительными тренировками три раза в неделю. Подготовка здесь ведется за счет *расходования* физических, духовных и энергетических ресурсов организма на грани их истощения и априори требует железного здоровья и молодости. Только при таком подходе можно ожидать приобретения боевого потенциала, когда ежедневный, привычный, крошечный ад занятий низводит самую ужасающую реальную ситуацию до разряда ординарной, походя решаемой задачки.

Мы вправе по-разному относиться к традиционным боевым школам, коря их за целенаправленное изуверство или превознося их испытанную действенность, однако только они остаются сегодня единственно верным компасом, сверяться с которым время от времени полезно всем, посвятившим себя воинским искусствам Востока – хотя бы для того, чтобы не заблудиться в дебрях иллюзий о собственной значительности.

2. Спортивное направление представлено в наши дни огромным количеством стилей и являет собой довольно пеструю картину смешения национальных традиций, одновременно включающую изрядное число чистых стилевых линий, берущих начало в глубинах веков. Их конечная цель, как и всего спорта, есть гармоничное развитие тела и духа, обретение крепости первого и чистоты второго (разумеется, мы говорим о спорте в его лучшем, первозданном смысле). Как правило, при подобном подходе рано или поздно пробуждается интерес не только к техническим тонкостям стиля, но и к породившей его культуре – национальному изобразительному искусству, музыке, кухне, философии и прочим ее граням. Всем знакомы такие «завернутые» на Китае или Японии наши соотечественники, способные приятно удивить глубиной своих познаний даже седовласых патриархов.

Диапазон изучаемых приемов и связей чрезвычайно широк, огромное, а порой решающее значение придается многочисленным комплексам формальных упражнений

(*ката, таолу*), которые непременно демонстрируются перед широкой публикой, зачастую синхронно множеством исполнителей. Сами по себе технические элементы весьма эстетичны, так как главная цель учебного процесса – не смертная битва, а просто шлифовка динамики и геометрии движений, их рисунка и ритма. Разумеется, при этом остается в активе значительная доля прикладного потенциала, и продвинутый ученик обычно в состоянии адекватно защитить себя в ситуации средней сложности, хотя вряд ли он одолеет вооруженного дубиной или финкой отчаюгу. В лучшем случае победоносная стычка с безоружными хулиганами будет представлять собой достаточно продолжительный обмен ударами, а максимальным итогом станут нокауты.

Для спортивных стилей характерно использование какого-то одного вида действий – или удары без бросков, или наоборот. Яркой иллюстрацией тому служат, соответственно, кикбоксинг и дзюдо, хотя следует отметить, что ряд современных спортивных школ исповедуют в последнее время возврат к традиционной комбинированной технике. Подобный дележ берет начало в правилах проведения соревнований. Несложно вообразить реакцию судей на удары дзюдоиста или бросок через плечо в состязаниях по таэквондо.

Таким образом, наиболее далекими от исконных традиций следует признать заведомо соревновательные, турнирные стили. Их цель – победа в игре по строго заданной схеме правил и запретов, их техники – минимально возможный набор из хорошо оцениваемых арбитрами приемов, а поле битвы – ярко освещенный, сухой и теплый ринг с гладким безопасным покрытием. Противник всегда один, в большинстве случаев – соответствующих вашим веса и степени мастерства (цвета пояса), время схватки невелико, и т. д. К сожалению, в таких тепличных условиях у спортсмена не возникает ощущения реальной опасности для здоровья и жизни, а цена каждого конкретного действия невысока. Двадцать три века назад Чжуан Цзы сказал:

*Искусный в игре на черепицу,
теряется, играя на застезжку,
и совершенно дурет,
играя на золото!*

Оценивая себя с точки зрения пригодности к настоящему бою, нелишне помнить о том, что весы не врут лишь в одном случае – когда на второй их чаше сидит бледная мадам в саване и с косой.

Печальный итог «оспортивливания»: почти полное нивелирование и усреднение техники с утратой стиливых особенностей, что мы и видим сегодня на всевозможных чемпионатах какого угодно уровня. Для полноты картины остается добавить отсутствие даже зачатков философско-этической базы и ее ритуальной составляющей – за явной ненадобностью.

Но, увы, и это не самый низкий горизонт падения традиций, так как совсем недавно вошли в моду развлекательные шоу и танцы, в которых используется базовая техника «боксерских» стилей. Действо происходит под ритмичную музыку (отнюдь не восточную) и отличается от обычной аэробики только наличием кимоно. Таково, к примеру, некогда популярное среди молодежи Джун Ри-До. А поскольку суммарная польза от таких занятий не большая, чем от добротной физкультурной разминки, то вернее всего было бы отнести их к оздоровительным.

3. Оздоровительные разновидности боевого искусства (хотя в подобном сочетании звучит парадокс) гораздо менее многочисленны, нежели первые две его ветви. В чистом виде к ним можно отнести, пожалуй, искусство цигун и некоторые «внутренние» стили ушу. Однако же цигун, строго говоря, вовсе не боевое искусство, но лишь его обязательный фундамент, а оздоровительный эффект упомянутых стилей есть всего-навсего побочный продукт многолетних упорных занятий.¹⁵

Без понимания того, как реально работают те или иные формы (например, в Тайцзицюань), немислимо постичь их сокровенный смысл, да и попросту правильно исполнить саму «геометрию». В отличие от первобытной жестокости боевых школ и почти обязательного изнурительного мытарства спортивного тренировочного процесса, практика оздоровительных стилей является приятным и благостным делом. Даже такое физически тяжелое упражнение, как «стояние столбом», предполагает насилие над собою лишь на первых этапах. В дальнейшем утомительная борьба с собственным телом будет означать только то, что вы «гребете против течения», и самое время поискать скрытые ошибки.

Работа здесь строится не на эксплуатации ресурсов организма, а на их пробуждении и укреплении. Цель – накопление энергии и создание резервного фонда Ци как залога нормальной жизнедеятельности. Такой подход позволяет не «выщелкивать» одно заболевание за другим, а разом лишает их корней, поскольку приводится в норму основа телесной оболочки.

---

¹⁵ Например, когда я давным-давно преподавал достаточно жесткое ушу (не чистый стиль, а практичную «эклетику»), родители некоторых детишек к моему собственному удивлению благодарили за то, что их чадо совершенно перестало болеть.

При взгляде со стороны исполнение отдельных форм и целых комплексов производит впечатление удивительной гармонии, неразрывности и цельности движений. Мягкий природный ритм перетекания одного в другое не требует грубого мышечного напряжения, оставляя тем самым раскрепощенному разуму возможность отслеживать тончайшие оттенки и перемены внутреннего состояния. Тогда как спортивные тренировки *используют* молодость и здоровье, словно сырье, а боевой путь способен по достижении поставленных задач и вовсе их отнять, оздоровительные стили без всяких ограничений принимают под свои знамена и старых, и малых. Здесь нет места тлетворной атмосфере соперничества – соревнования всегда происходят только с самим собой, с собственной ленью и закостенелостью, а участие в чемпионатах ограничено показательными выступлениями и демонстрацией внешней стороны техник. Кстати, любопытно замыкается круг: в самых суровых боевых школах также не приветствуются соревновательные схватки из-за «убойности» изучаемых приемов. Лично мне трудно представить, как мог бы выглядеть относительно реальный поединок с традиционным оружием. Хитроумные выдумки с мягкими полиуретановыми дубинками есть попросту извращение идеи – с тем же успехом наши чада практикуют в домашнем уюте суровые битвы на экране компьютера и даже становятся настоящими мастерами в этом нелегком деле.

Итак, цель занятий стилями оздоровительного направления есть максимальное развитие двигательных функций тела, пластики и силы, а также стяжание способности ощущать, контролировать и направлять энергетические потоки внутри и снаружи. По мере продвижения этим путем одновременно достигается чистота и ясность мышления, выход на иные, более возвышенные ценностные ориентиры, а в конечном итоге – обретение общей гармонии духа и тела с окружающим миром. Здоровье и долголетие всегда расценивалось при этом как естественный побочный результат, а прикладной смысл форм принимался в расчет сугубо в качестве подсобного средства, своеобразных перил на лестнице, ведущей в бесконечность.

* * *

Оружейные и безоружные техники – две стороны единой медали мастерства, каждая из них дополняет и подпитывает другую. Нельзя стремиться к совершенству, заикливаясь на чем-то одном, такой путь неизбежно заведет в тупик. Старые, подлинно великие мастера поощряли своих учеников в их желании посещать других учителей, однако – при строгом условии успешных занятий в изначально выбранном направлении. Все традиционные школы отличались и отличаются от современных, во-первых, использованием одинаково и бросковой, и ударной техник, во-вторых – целостным, нераздельным подходом к наработке приемов с оружием и без.

Пусть я заблуждаюсь и перегибаю палку в плане порицания нынешнего «олимпивизма» старых боевых традиций, но – дадим слово великим и поглядим, что говорил по этому поводу, например, Уесиба:

«Занятия будо – это изучение действительности, жизни и смерти, и оно ищет духовную силу, которая позволяет посмотреть в лицо этой действительности. Сердце, которое полно вопросов о победе и поражении, не может испытать истины действительности. Когда целью тренировки является победа, развивается спортивное сознание. Это становится игрой, а не реальностью. Возникает необходимость в правилах защиты участников состязания, и результат ничего не решает.

Единственное, что интересует соревнующихся, – кто сильнее согласно правилам? Чья техника быстрее согласно правилам? С помощью соревнований вы никогда не узнаете своего истинного Я, только свою стратегию. Когда же вы находитесь на грани абсолютного наказания, когда речь идет только о жизни и смерти, ваша реакция, а следовательно, и результат будут совсем другими. Не связанный правилами, когда единственное соображение – это жела-

ние выжить, очень слабый может стать очень сильным, и очень сильный может в страхе потерять свою силу. Когда ставкой не является жизнь, слишком легко забыть, что физическая сила и техническое умение не безграничны».

Религия и боевое искусство

*Храмы пришли в запустение и сделались
обиталищем ужасных тэнгу, и, когда солнце
склонялось к закату, слышались там
раздирающие вопли мстительных духов.*

Сказание о Ёсицунэ

В давнее советское время, когда я начинал заниматься каратэ, никаких таких щекотливых вопросов даже не могло возникнуть в нашей насквозь атеистической стране. Однако сегодня внушительный процент населения вдруг ощутил тягу к высшим силам, и – кто искренне, кто чуть ли не из стадного чувства – стали посещать церкви, костелы, синагоги и мечети, неизбежно задумываясь о своих взаимоотношениях с Небом. А поскольку, как уже говорилось вначале, большинством конфессий все прочие двуногие особи именуются «братьями» и «сестрами», у посвятивших себя боевым искусствам не могло не возникнуть вопроса о моральной правомерности изучения техник побития (а то и умертвия) этих самых братьев.

Такая раздвоенность чувств приводит к полному разрушению внутреннего спокойствия, исчезновению гармонии и мира в душе, а следовательно и неизбежно – к потере мотивации тренировок, которые становятся похожи на плавание без руля и даже без капитана.

В такой ситуации глупо предлагать какие бы то ни было отчетливые советы, каждый должен определиться сам, исходя из тонких внутренних ощущений, но поговорить можно.

Иероглиф «Сёмэцу» («жизнь – смерть»)

Насколько мне известно, ни в одной из ведущих мировых религий (Православие, Буддизм, Ислам) нет четких противопоказаний к занятиям боевыми искусствами, если только не брать в расчет их фанатичные, радикальные ответвления, именуемые сектами.¹⁶

---

¹⁶ Фанатизм вреден и отвратителен в любом деле, не только в религии. Просто там он приобретает особенно буйный характер из-за иллюзии присутствия «под ногами» хотя и ложной, но твердой идеологической почвы. Всякий фанатик на самом деле является умалишенным, поработанным своей идеей-фикс, затмевающей и запрещающей абсолютно все, выходящее за ее рамки. Сектанство – это плод гордыни, не приемлющей традиционных взглядов и претендующей на собственное понимание картины мира. Как говорится, – «хоть сопливое, но мое». К сожалению, сепаратизм неизбежен и повсеместен, рано или поздно раскол настигает и религиозные течения, и спортивные клубы, и политические организации, потому что гордыня – первый и главный человеческий грех, основа всех прочих грехов, притом совершенно незаметный для самого его носителя. Даже эти строки – уже гордыня...

Правда, никогда ранее человечество не знало такого явления, как занятия «наукой побеждать» исключительно в качестве хобби, увлечения в свободное от работы время. Подобная практика всегда преследовала сугубо утилитарные военные цели защиты от внешнего агрессора, а потому не только не порицалась, наоборот – благословлялась священнослужителями. Впрочем, это мы видим и сегодня: и самих солдат, и их амуницию и технику, включая самолеты с танками, повсеместно окуривают, окропляют и т. д. во благо отчизны и на погибель врагам. И это правильно.

Но как быть тем, кто тренируется все же для развлечения? А очень просто! Тренируйтесь на здоровье, не переступая при этом некоей запретной черты, вернее, нескольких черт, мало заметных, но оттого не менее серьезных, так как за ними начинается сплошная чернота, открытый оккультизм, единогласно проклинаяемый упомянутыми мировыми религиями. А начало этому, как мне кажется, положили ничего худого не замышлявшие японцы во второй половине (скорее, в конце) XIX века, когда вместе с обрушением многовекового уклада жизни, протекавшей под зорким оком сёгуната, были отброшены за ненадобностью как самурайские духовные установки и ценности, так и сами самураи. Впрочем, к указанному сроку растление, строго говоря, окончательно оформилось и кристаллизовалось, а началось все двумястами годами ранее, после победы Токугава Иэясу в борьбе за сёгунский титул. После этого череда нескончаемых междоусобиц сменилась достаточно стабильным существованием, и оставшиеся без клиентов многочисленные преподаватели боевого искусства получили время для переосмысления как технической, так и философской базы будзюцу. Тогда-то постепенно и родилась идея замены понятия «дзю-цу», то есть чисто практического умения, на «До», означающее «Путь»¹⁷ в самом широком смысле этого слова. Данная рокировка позволила потерявшим было жизненные ориентиры воякам заниматься излюбленным ремеслом, напитав старые техники новым смыслом. С тех пор в Японии всякое занятие превратилось в «До», и сегодня даже обычная госслужба именуется «Путем чиновника».

Доверчивые, падкие на экзотику европейцы, познакомившись с волшебным мировоззрением, тотчас нашли в нем такие горизонты, о которых здравомыслящие самураи и не догадывались, а именно – банальные тренировки по любому из стилей стали рассматриваться как дверь в иной, тонкий мир, наполненный неслыханными энергиями и невиданными сущностями.

Вот! Вот эта самая граница, переступать которую и даже приближаться к коей категорически не рекомендуется! Любое боевое искусство – это всего-навсего искусство драки – хоть голыми руками-ногами, хоть оружием, но никоим образом не инструмент для преобразования самого себя с плохо понимаемой, но такой манящей, таинственной целью! Можно заниматься днями и ночами, прыгать, ползать и разбивать камни, вдыхать и выдыхать, тренировать все части тела, включая глаза (о чем речь отдельно), и даже медитировать – но только не превращая все это в систему «духовных» поисков. Даже в самом Китае пресловутые «дедушки», обладающие теми или иными аспектами проявления Ци, включая ясновидение, просто занимаются в свое удовольствие ушу, цигунят и лечат людей на расстоянии, оставаясь при этом добропорядочными буддистами, конфуцианцами и вообще нормальными людьми. У нас же то и дело приходится наблюдать бешеных «духоловов», которые приходят в спортзал с горящими внеземным светом глазами и жаждут одного: поскорее объять вселенную и постичь тайны мира, а для начала – хотя бы научиться читать мысли и летать по воздуху. Знайте: это сумасшедшие, и таковыми бы они почитались повсюду, в том числе на Востоке!

---

¹⁷ Разумеется, здесь имеет место простая калька с фундаментального китайского понятия «Дао», хотя в самой Поднебесной «путь» рассматривается лишь как одно из многих значений Дао.

* * *

На эту душещипательную (вот уж точно!) тему можно болтать без конца, однако суть, я надеюсь, понятна.

Не валяйте дурака – не ищите в боевом искусстве ничего сверх самого боевого искусства. Тогда ваши тренировки не нарушат душевного покоя и будут, как говорится, «не во грех и не в осуждение»!

Правда, есть еще один аспект занятий, особенно с оружием, из-за которого автор в свое время свернул преподавание окинавского кобудо¹⁸, переключившись на оздоровительную интерпретацию тайцзи-цюань. А именно: я не считаю вполне нормальным обучение людей искусству наносить точные, концентрированные удары специально созданными для этого инструментами в, как правило, наиболее уязвимые области хрупкого человеческого тела. По большому счету, проблема в том, что считать гуманным или негуманным в отношении противника. Не, знаю, не знаю... Во всяком случае, наверное, стоит всячески избегать убийства, разве что не остается совершенно никакого выхода, потому что это будет необратимым действием, и вы просто-напросто лишите падшее чадо возможности раскаяться и не загубить окончательно свою грешную душу. Гуманно ли в аховой ситуации переломать ему ноги и руки, сделав инвалидом? Скорее всего, да, так как инвалидность – мощнейший стимул к духовным поискам и, в конечном итоге, к духовному перерождению.¹⁹

Строго говоря, сомнения в правомерности занятиями боевым искусством, если только вы не принадлежите официально к касте воинов (т. е. не служите в армии, разведке, полиции и т. д.), могут возникнуть лишь у исповедующих православие, где отнюдь не поощряется даже занятие обыкновением спортом, поскольку лелеять надлежит, в первую очередь, душу, но никак не добиваться «дебелости тела», своей порочной и временной оболочки.

Насколько мне известно, в исламе вообще никак не оговаривается подобный вопрос, а что касается буддизма – так где и процветают боевые искусства, как не там! Одни только представители некоторых сект наподобие баптистов и болгарских богомилов позиционируют себя как строгие пацифисты и категорически отказываются служить в армии и даже прикасаться к любому рода оружию, демонстрируя тем самым пассивное неприятие окружающего мира, царства тьмы под началом ее князя.

С другой стороны, я встречался с поразительными случаями выворачивания наизнанку всего и вся настолько, что бесполезно пытаться искать хоть какую-то логику или осмыслить картину происходящего. Так, один мой друг, занимавшийся в свое время, как и все, каратэ, параллельно практиковал систему П. К. Иванова, то есть обливался холодной водой, ходил зимой в босоножках и здоровался с пассажирами в автобусе, был здоров, бодр и не маялся духовными сомнениями. Потом он ни с того ни с сего примкнул к американской протестантской церкви в лице одной из ее многочисленных сект, заполнивших нашу страну в 90-е годы, и как-то постепенно выбился в лидеры. И вот однажды он рассказал, что они арендовали спортзал для занятий таэквондо, каковые занятия рассматриваются в качестве служения Богу, и никак иначе! Что тут скажешь? Если вспомнить, что протестанты имеют обыкновение проводить «службы» под рок-музыку, остается предположить, что в их понимании хороши любые

---

¹⁸ Вдруг кто не знал, да забыл: кобудо (в том числе окинавское) дословно переводится как «древнее искусство» и предполагает изучение техник владения разнообразным оружием, от специального (мечи, копья и т. д.) до подручного, подразумеваемого, в основном, всякого рода палки – шести, дубины, нунчаку и прочее.

¹⁹ Вероятно, не стоит уточнять, что в случае проявления агрессии с **вашей** стороны оценка ситуации меняется на противоположную.

методы для привлечения (пусть временного) в свои ряды новых адептов, ищущих разнообразия и даже веселья там, где ничего подобного быть не должно²⁰. При чем тут боевые искусства?

Но, допустим, вы как-то смирились с необходимостью посещать попеременно то храм, то тренировки. В этом случае – для душевного покоя – полезно ограничиться сугубой «физухой» и, как говорилось двумя страницами ранее, не рассматривать свои занятия в качестве некоего «пути», инструмента познания мира, компаса в поисках смысла жизни и т. п. Лучше всего на вопрос, зачем он дерется, ответил у Дюма великолепный Портос в «Трех мушкетерах»: «Дерусь, потому что дерусь, вот и все!». И, право, точнее не сформулировать истинное, единственно правильное отношение к происходящему! Когда-то один мой приятель во время очередной нашей беседы о смысле занятий спросил, стал бы я тренироваться, если бы остался на Земле совершенно один, то есть **вообще**, как Адам, и даже без Евы? Ответ я не знаю до сих пор. То-то и оно!

Это, конечно, мое личное мнение, но многие годы занятий предметом нашего разговора, встречи и дискуссии с разными людьми, некоторые из которых были и остаются крупными мастерами, привели к мысли о том, что тренироваться любой системой или стилем боевого искусства правильнее всего под знаменем Великой Пустоты, или Бессмысленности, проще говоря – ни для чего!

Преследуя какую-то насущную цель – необходимость самообороны от уличных отморозов, желание получить черный пояс, стать чемпионом среди тех-то и тех-то, стяжать здоровье и т. д. – вы при некоторой доле упорства всего этого добьетесь, и только, не выше ни на шаг. Как известно, очень-очень желающий победить вряд ли победит, потому что само такое желание и есть первое препятствие на пути к победе. Истинная победа всегда неожиданна и уж, во всяком случае, не долгожданна. Просто работаете, работаете и работаете ни для чего, но с полной отдачей... глядь – валяется победа! Хотите – подберите, нет – оставьте лежать на дороге и ступайте дальше. Вот, посмотрите на Ояму: сидит себе, как Будда, спокоен и безмятежен. Чего и вам желаю.

---

²⁰ Помнится, как-то по телевизору показывали сумасшедшего, который жил супружеской жизнью с женой и собственной дочерью одновременно (то есть вповалку), практикуя это как Служение (именно с большой буквы). Не хочу на этих страницах даже приводить имя того, кого радует подобная «служба».

Глава 2

Взял он вилы и топор...

О пользе и пользе оружия

*Когда стрелой без дровца
выстрелят из лука без тетивы —
она поистине пронзит гору!*

Судзуки Тантаро

В японском языке искусство обращения с оружием носит название «кобудо», что дословно можно перевести как «старинное искусство». Поэтому мы не станем мудрить, а для начала поговорим об оружии именно в свете кобудо.

Все многообразие стилей и разновидностей этой жестокой науки на благословенном японском архипелаге условно подразделяется на две категории – кобудо самурайское и простонародное. При этом внутри самурайского также можно выделить обширный пласт полицейских техник, получивших наибольшее развитие в почти трехвековую мирную эпоху правления Токугавского сёгуната (1603—1868), а также примыкающее сюда самым тесным образом огромное, таинственное и вполне суверенное царство зловещих ниндзя.

Характерным примером простонародного кобудо служит букет окинавских техник работы с примитивным оружием, родственным обиходным предметам крестьянского быта и почти не модифицированным для битвы. Теперь рассмотрим подробно каждую из разновидностей.

Самурайское кобудо

*Враги бросились наутек, но Сяна-о догонял
их и рубил, догонял и рубил, и вот уже пятеро
матерых злодеев пали мертвыми.*

Сказание о Ёсицунэ

Как всем нам отлично известно из фильмов и книг, главным и наиболее зловещим спутником любого самурая всегда был его меч – поначалу *цуруги*, позднее *дайто*. Исторически это не совсем верно, поскольку вплоть до Токугавской эпохи отнюдь не меч, но лук и копье считались своеобразными символами воинственного сословия. Лишь с прекращением многовековой мясорубки непрерывных гражданских войн, когда славным доспехам и тяжелому полемому вооружению пришло время обратиться в семейные реликвии, эстафету подхватил меч, став отныне единоличным средоточием души самурая и знаком принадлежности к гордому племени Буси (хотя для этого, строго говоря, требовалась *пара* мечей – большой и малый, плюс характерная прическа). Но, так или иначе, и мечи, и луки, и копья относятся к штатным видам вооружения, мастерство владения которыми в состав кобудо вроде бы и входит, хотя, строго говоря, не вполне. В этом смысле столь популярное сегодня параллельное изучение тонкого искусства иай-до совместно, скажем, с простонародным тонфа-дзюцу выглядит немного странно.

Вместе с тем любой самурай, не стремившийся почетно пасть на поле брани в расцвете сил, непременно овладевал целым набором дополнительных техник, прибегать к которым случалось не редко. В пылу благородного сражения в чистом поле воин запросто мог лишиться мощного меча либо копья, сломав их или просто выронив от молодецкого удара противника. После такой неприятности оставалось лишь прибегнуть к спасительной помощи малого меча (*вакидзаси*), ножа или какого-нибудь иного оружия. Довольно популярными среди самураев были различные варианты цепей, железные веера *тэссэн* и *гумбэй-утива*, а также всевозможные метательные лезвия и пластины, в том числе всем известные *сякэны* («звезды»), небоснованно относимые к монопольной и чуть ли не главной принадлежности ниндзя. Между прочим, только шпионы предпочитали маленькие, легкие пластинки, но они смазывали их острия крепким ядом, целясь притом в шею, лицо и т. д., а настоящие боевые звезды были большими, диаметром до 150—180 мм, коваными и тяжелыми, рассчитанными на изрядное пробивное действие и глубокое проникновение в тело.

Далее – не всегда и не везде позволялось размахивать любимым клинком, а порою и вовсе не допускалось обнажать его, не говоря о копье или нагинате. При входе в дом (за исклю-

чением откровенно враждебного визита) полагалось оставлять бесценный фамильный меч «в дверях», надеясь, случись что, на вакидзаси да на припрятанные под одеждой «сюрпризы», овладеть которыми не поленился ранее. Ножны малого меча, танто и айкути²¹ всегда содержали в боковых кармашках обиходный ножичек (*ко-гатаму*) и стальную шпильку (*когай*), назначение которой – распускать туго затянутые узлы шнуровки доспехов. Очень часто когай состояла из двух половинок, каждая из которых могла быть пущена опытной рукой точно в цель, как и любой из аналогичных острых предметов.

Собственно говоря, хороший самурай без труда, молниеносно и четко способен был метнуть в противника всякую снасть из своего богатого арсенала, что на диво правдоподобно демонстрирует Тосиро Мифунэ в фильме «Красное солнце».

Аналогично европейским шестоперам и булавам, ставшим, помимо утилитарного предназначения, своеобразными символами атаманской власти, стальные боевые веера в Японии прижились в среде князей и полководцев. Те, кто видел старую киноленту «Знамена самураев», могут припомнить эпизод, в котором знаменитый Такэда Сингэн отбивает бешеные наскоки не менее знаменитого Уэсуги Кэнсина именно таким веером. И, уж конечно, веером было удобнее всего отражать различные мелкие метательные снаряды, которыми не брезговали и вездесущие ниндзя, и свои же собратья-самураи. Зачастую это практиковалось в качестве тренировки, чтобы надежность рефлекса не подвела при реальном нападении.

---

²¹ Разновидности боевых ножей с длиной клинка 15—40 см.

Полицейское кобудо

*Вот они подъехали, показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог.
Вывели болезного – руки ему за спину,
И с размаху кинули в «черный воронок».*

В. Высоцкий

Полицейские техники и соответствующее вооружение расцвели, как и многое другое, в Эдосскую (она же Токугавская) эпоху. Обусловлено это не только организацией мощной разветвленной полицейской сети, с помощью которой Бакуфу (военно-административный управленческий аппарат) контролировал ситуацию во всей стране, но и значительным упадком мастерства буси. По прошествии многих безоблачных десятилетий совершенно сошел с исторической арены старый тип сурового непобедимого солдата, идущего по пояс в крови через жестокие битвы «эпохи войн», со всеми его невероятными рефлексам, переходящими в «шестое чувство», и поистине inferнальной ударной мощью.

Излюбленным оружием полицейских стали длинные цепочки с грузилами на концах, позволявшие обездвигать противника, не убивая его, а также *дзиттэ* – стальной прут с одной крюкообразной половинкой гарды. Пусть легенды о мастерах, способных одним поворотом такой ловушки переламывать клинок меча, останутся на совести их сочинителей – согласно некоторым исследованиям, реально дзиттэ, имевший на рукоятке шнурок с кистью различного цвета, соответствовавшего рангу полицейского, играл ту же роль, что в наши дни жетоны и удостоверения. Хотя, безусловно, хватало по-настоящему сильных мастеров, творивших чудеса со своим нехитрым орудием.

Любители японских боевиков-тямбара могут насладиться этой темой, отыскав двухсерийный (я, по крайней мере, больше не встречал) фильм «Лезвие», повествующий о приключениях эдосского полицейского Ханзо-лезвие (кличка такая) в исполнении блистательного мастера, актера и режиссера Шинтаро Кацу, знакомого многим по роли слепого массажиста Зато Ичи, убившего на протяжении тринадцати серий едва ли не полтысячи отвратительных якудза своим молниеносным клинком, спрятанным в палке. В образе мэцукэ (полицейского) он орудует отточенной сталью обыкновенной катаны, иногда пуская в ход сай с длинной цепочкой, размещенной в рукоятке, а также результативно пытается женщин некоей естественной принадлежностью своего организма.

В целом Эдосский период японской истории можно сравнить с эпохой европейского Ренессанса. Пришедший на смену нескончаемым войнам почти трехвековой мир возродил к жизни огромное количество всевозможных разновидностей изящных искусств, а профессионалы клинка получили возможность в спокойной обстановке заняться систематизацией бездонного практического опыта и созданием постоянных школ. Именно в эти годы множатся новые и укрепляются старые «рю», в стенах которых обретают отчетливый облик здравствующие по сей день стили кэн-дзюцу и дзю-дзюцу. Исподволь поменялся характер техник, так как отсутствие доспехов сместило акценты в сторону быстроты и ловкости движений. На смену ужасной сметающей мощи копья, нагинаты и длиннейшего «полевого» меча пришла виртуозная работа более легкой катаной и всем обширным арсеналом малого вооружения, вышедшего из тени могучих собратьев.

Кобудо, понимаемое сегодня как искусство боя с использованием предметов, входит в качестве обязательного раздела во все без исключения современные школы дзю-дзюцу, каратэ и так далее. Разумеется, речь идет о школах традиционной (не спортивной) направленности.

Если попытаться обобщить все вышесказанное, то можно утверждать, что самурайская разновидность кобудо включает в себя искусство обращения с различными вариантами *стальных* предметов, в том числе цепей, а также некоторые специфические техники наподобие *ходзё-дзюцу* (приемы связывания противника веревкой, поясом и т. п.). В отличие от окинавского, самурайские разновидности кобудо не сведены в единую систему и изучаются порознь в рамках тех или иных школ как самостоятельные дисциплины.

Шпионское кобудо

*Подкрался сзади, размахнулся,
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч.*

А. С. Пушкин

Из содержания эпитафии ясно, что речь пойдет о коварных и безжалостных шпионах японского средневековья, любимцах нынешней детворы во всем мире – ниндзя. Хотя здесь описана именно сцена убийства, главным смыслом деятельности «воинов ночи» была все же добыча, сохранение и передача информации, а уже во вторую очередь – диверсионные акции в тылу врага, резня и поджоги. Собственно говоря, принципиальная ошибка читателей, исследователей и историков ниндзюцу на сегодняшний день состоит в том, что древний феномен рассматривается как разновидность боевого искусства. Это *совершенно неверно*, ибо сами по себе боевые техники составляли лишь малую часть в объемистой программе подготовки лазутчиков, где гораздо большее внимание уделялось вопросам маскировки и скрытого перемещения, приемам проникновения в дома и замки, способам взлома, подкопам и прыжкам, плаванию и бегу, умению часами сохранять неподвижность в самой немыслимой позе (например, повиснув на ветке) и множеству иных навыков. Помимо чистой «физики» досконально прорабатывались также психические аспекты: гипноз и самогипноз, умение запоминать колоссальные объемы информации, способы концентрации внимания, обострения органов чувств, мобилизации энергии, и так далее. Как следует из другого их наименования – *синоби* (крадущиеся) – практика ночных оборотней строилась, прежде всего, на соблюдении абсолютной незаметности, бесшумности и безликости. Поэтому очень красивый рассказ Виктора Попенко на страницах его книги «Древнее оружие Востока» о том, как гордые своей профессией ниндзя для пущей славы раскрашивали в разные яркие цвета клинки мечей (причем цвет соответствовал той или иной конкретной школе), заставляет вообразить штандартенфюрера Штирлица с полным набором советской военной атрибутики вплоть до знака об окончании академии РККА на черном эсэсовском мундире.

Согласиться с подобными вымыслами невозможно, если принять в расчет обыкновение шпионов уродовать свое лицо в случае поимки, дабы лишить врага возможности какой-либо идентификации. При этом странно иметь при себе клинок, на котором, так сказать, «синим по белому» написано о причастности, например, к Котто-рю. Если еще учесть, что другим показателем достоверности подобных сведений служит утверждение автора о хромировании клинков (в XVII веке!) для пускания «зайчиков» в глаза, то не стоит принимать этого всерьез.

Самое большее, что реально могли проделывать ниндзя со своим оружием, – коптить его в пламени свечи или костра для ликвидации малейших бликов, каждый из которых мог привести к обнаружению, гибели и – что несравненно важнее – к провалу всей операции. На сегодняшний день в нашей стране вышла в свет единственная достоверная работа по истории шпионского промысла в Японии – две книги Алексея Горбылева: «Путь невидимых» и «Когти невидимок».

Нас же хитрые проныры интересуют лишь постольку, поскольку все их мастерство и фантастические деяния напрямую зависели от умения обращаться с разнообразнейшим арсеналом специальных приспособлений, от самых простых до весьма сложных и остроумных. Сегодня с легкой руки писателей и сценаристов у определенных слоев общественности сложилось впечатление, будто ниндзя только и делали, что убивали направо и налево, притом исключительно с помощью мечей, серпов и сюрикэнов. Между тем этот зловещий образ имеет к реальной

практике ниндзя примерно такое же отношение, как блистательный Джеймс Бонд – к деятельности настоящей разведки. Как отмечалось выше, истинный синоби был, в первую очередь, мастером скрадывания, проникновений и похищений, а вовсе не рукопашного боя. В наши дни, с этой точки зрения, опытный домушник или карманник в гораздо большей степени имеет право отождествлять себя с ниндзя, чем все те члены клубов и секций, что рядятся в черные одежды, мечут «звезды» и размахивают прямыми мечами тайваньской выделки, не будучи в состоянии даже выкрасть бумажник у прохожего. Я не воспеваю воровство, но факт остается фактом: хороший ниндзя есть прежде всего хороший жулик. Огромное число увлекательнейших историй повествуют нам об испытаниях мастерства, что учиняли шпионам их учителя или наниматели. Почти все подобные задания представляли собой изошренные кражи предметов (меча, свитка, подушки из-под головы) у заранее предупрежденного, изготовившегося к отпору владельца. Даже когда дело касалось боевых подвигов в расположении противника, звону стали всегда предшествовало незаметное проникновение на тщательно охраняемую территорию.

В полном соответствии с тематикой работы шел подбор вспомогательных средств, причем каждый предмет мог служить одновременно разным целям, и оружия в чистом виде почти не применялось – даже пресловутый *синобикэн* с квадратной цубой представлял из себя целый арсенал, обеспечивая весьма далекие друг от друга задачи. «Невидимка» попросту не мог позволить себе быть обвешанным грудой тяжелого громоздкого инвентаря, словно Арнольд Шварценеггер в фильме «Коммандо», поэтому компактность и универсальность были первым и решающим критерием в подборе снаряжения. Даже когда наниматель жаждал смерти оппонента, дело чаще всего обходилось без серпов и мечей. Подлинный мастер мрачного ремесла использовал, как свидетельствуют исторические документы, невероятные ухищрения и выдумки – опять же с целью незаметности и стопроцентной эффективности акции. Ведь целью являлся, как правило, не рядовой воин, а полководец, даймё (князь), то есть личность всегда неординарная, искушенный во всех тонкостях схваток, да к тому же тщательно охраняемый. Такой человек обладал развитой интуицией и знаменитым *гоку-и* («шестым чувством»). Всем хорошо известен хрестоматийный эпизод с (предположительно) Ягью Мунэнори и его слугой (учеником), когда спящий мастер мгновенно уловил мелькнувшую у того мысль о своей незащищенности, и в следующую секунду стоял с мечом в руках. Поэтому очень трудно было просто зарубить или зарезать намеченную жертву – тот, скорее всего, почувал бы врага заранее, что бы ни сочинял о мастерстве ниндзя скрывать эманации своего мозга известный Эрик Ластбадер в сериале о похождениях тандзяна Николаса Линнера.

Кроме того, не стоит приписывать ночным пройдохам абсолютного совершенства решительно во всех видах боевого искусства. Универсал всегда проигрывает узкому специалисту в его излюбленной области, и *средний* самурай безусловно превосходил *среднего* шпиона в технике меча и копья. Не стоит заострять внимания на выдающихся представителях профессии с той и другой стороны – в любом деле встречаются уникалы, и наша речь не о них.

Как сегодня нормальный разведчик в чужой стране не крадется по темным улицам с пистолетом в руке, так и триста лет назад ниндзя предпочитали обходиться без меча до самого последнего предела, когда на него обрушивалась подоспевшая охрана или погоня. И обыкновенно результат подобной схватки бывал предreshен. Некоторое преимущество состояло в использовании нетрадиционных, малоизвестных приемов боя, атак в неожиданных ракурсах, обилии акробатических элементов и т. д. Все это приносило победу в быстрой стычке, но только при наличии фактора неожиданности. В тех же случаях, когда прохиндей был вынужден схватиться в открытую, используя свой более короткий и легкий меч, результат, повторяю, был известен заранее. Кроме того, замечательные клинки самурайских катан и тати чаще всего превосходили по своим характеристикам шпионское оружие. Это легко объяснимо, так как меч самурая делался долго и на века, являясь нередко семейной драгоценностью. Меч ниндзя (в тех случаях, когда он предпочитал «специзделие») был всего-навсего рабочим инструментом,

одним из многих и далеко не главным, который не жалко выбросить в случае чего. Это отнюдь не значит, что клинок был из рук вон плох. Он вполне обеспечивал круг своих задач, но никакими выдающимися свойствами не обладал. Опять же, не стоит говорить об исключениях.

Кстати – только кинониндзя всегда экипированы характерным прямым мечом, который упрямо прилаживают за спину. На деле нет ни одного исторического свидетельства существования таких мечей – ни записей, ни сохранившихся экземпляров. Настоящие лазутчики пользовались чаще всего самыми обычными самурайскими клинками, причем носили их, как и полагается, сбоку, так как принайтвовленный сзади меч, да еще с цубой, полностью исключает возможность кувырков, перекатов и других акробатических элементов, а заткнутый за пояс – нисколько этому не препятствует. И потом – для разведчика и диверсанта, первой задачей которого было слияние с толпой, наличие особого, легко узнаваемого вооружения тотчас обернулось бы разоблачением, арестом и пыткой, поскольку охотники за шпионами, как правило, сами такие же ниндзя, имели острый глаз и отточенную интуицию.

Другой вопрос – внешне чисто самурайский меч мог скрывать в себе откровенно шпионские хитрости, будучи приспособленным для выполнения разных специфических дел, однако это *никак* не сказывалось на экстерьере. Чаще всего дело ограничивалось устройством потайного резервуара в конце чуть удлиненных ножен.

Строго говоря, между самураями и ниндзя вообще не существовало четкой границы, поскольку самураи были сословием, а ниндзя – профессией или хобби, и ничто, кроме кодекса бусидо, не мешало бедному служаке пробавляться на ниве шпионажа и заказных убийств. Большинство известных кланов ниндзя – самурайские, и множество гордых буси без зазрения совести посвящало себя «иньскому ремеслу», а корни знаменитых школ будзюцу уходят в

почву монастырских техник боя, породивших также превосходные шпионские системы. Сами ниндзя также не изобретали велосипедов, практикуя в полном объеме испытанные методики самурайской выучки.

Принимая в расчет все вышесказанное, можно утверждать, что в нормальных рабочих условиях наши герои мечу и рубке предпочитали орудия тихие и несравненно более эффективные – отравленные иглы, метательные предметы, ядовитые дымы, порошки, жидкости и прочие дьявольские штучки, вплоть до ученых крыс и хищных ласок. Как у Владимира Высоцкого:

*Добрый молодец он был,
Бабку-ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил –
Дом спалил!*

Воистину, реальная шпионская акция! Недаром именно ниндзя первыми оценили преимущества пороха²² и вообще старались держаться на гребне научно-технического прогресса тех лет, обращая любое изобретение в свою пользу. Потому-то ассортимент их подручных средств был чрезвычайно широк, хотя главенствовало в нем не оружие, а средства проникновения и маскировки, подслушивания и доставки информации, преодоления препятствий и тому подобное. Все, кого интересуют конкретные описания и иллюстрации шпионского инвентаря, могут обратиться к многочисленным изданиям на эту благодатную тему – от брошюрок местечковых экспертов до упоминавшегося двухтомника А. Горбылева.

Я сознательно не хочу здесь касаться откровенно инфернальных техник психоэнергетического тренинга «невидимок», всех их излюбленных распальцовок и черной магии, поскольку уж это-то наверняка никоим образом не входит в тему нашего разговора. Гораздо примечательнее то, что ниндзя являлись выдающимися мастерами импровизации, настоящими профессорами по использованию подсобных предметов, так как изменчивый калейдоскоп нестандартных ситуаций требовал молниеносных решений и точных действий. Что бы ни попало в опытные руки, могло превращаться и в оружие, и в отмычку, и во что угодно. Сколь бы ни был обширен перечень носимого снаряжения, всего предусмотреть невозможно, и всегда могли проявиться неожиданные факторы, заставляющие на ходу сочинять и конструировать что-то новое из имеющегося или найденного поблизости. Трудно вообразить лазутчика, вышедшего на задание с пустыми руками. Разведка и диверсии – всегда работа с теми или иными предметами, от сноровки обращения с которыми напрямую зависит успех или провал дела, и как раз тут лежат точки соприкосновения ниндзюцу и кобудо.

---

²² Положим, китайцы (в том числе китайские профессиональные лазутчики, ставшие прародителями ниндзя) освоили и оценили его намного раньше.

«Простонародное» кобудо

*Царь обезьян в сраженьи был свиреп,
И Царь-волишебник тоже был силен, —
Друг друга меч и посох отражали...*
У Чэн-энь. Путешествие на Запад

Коль скоро профессиональные шпионы, оснащенные множеством заранее сконструированных и изготовленных инструментов, порой вынуждены были использовать подвернувшиеся под руку предметы, то что оставалось делать крестьянам и горожанам для защиты от лихого криминалитета? Наиболее остро эта проблема стояла не в центральных провинциях, где силовые структуры, худо-бедно, подавляли сверхнормативное буйство, а бесконечные усобные войны давали возможность собирать на полях сражений мечи, копья и даже доспехи, что наглядно продемонстрировал А. Курасава в знаменитом фильме «Семь самураев». Гораздо хуже обстояли дела на окраинах империи, особенно на юге.

Самый крупный остров архипелага Рюкю – Окинава, расположен как раз на стыке двух культурных традиций – японской и китайской, поэтому бездонная культура Поднебесной питала «младшую сестру» в значительной мере именно через Окинаву. Тамошние жители никогда не отличались кротким нравом, а близость континента оказывала существенное влияние на все стороны жизни, включая боевые искусства. Официальная версия возникновения окинавского кэмпо относит его зарождение к XIV веку, когда король Рюкю признал вассальную зависимость от Китая, и с континента прибыла дипломатическая миссия, в составе которой были мастера цюань-фа. Но реально знакомство с передовыми техниками боя произошло еще раньше.

Как известно, XII век принес гибель огромному клану Тайра. Спасаясь бегством от победоносных Минамото, остатки разгромленных войск откатились на юг аж до Окинавы, унося с собой полный багаж военных знаний и оригинальных наработок, в корне отличных от классических китайских систем. Именно в этом заключается причина того, что древнейшие окинавские стили Тэ более всего напоминают как раз дзю-дзюцу, а не ушу, да и культивировались они отнюдь не в простонародной среде, а в правящих самурайских семействах острова. То, что сегодня принято считать настоящим окинавским каратэ, есть гораздо более поздняя переделка южно-шаолиньского цюаня (предположительно, стиля «журавль»), преподававшегося в середине XVIII столетия легендарным мастером Кусянку, хотя по сей день неясно даже, имя это, прозвище или некая должность. От него пошли все современные стили и разновидности «китайского кулака», как испокон веку именовали данное искусство на Окинаве, пока, с подачи Фунакоши Гичина, оно не превратилось в «пустую руку». Разумеется, задолго до рождения этого самого Кусянку китайские формы не могли не влиять на развитие Тэ. Исподволь шел непрерывный процесс взаимообогащения, результатом которого явилось практичное, жесткое и бескомпромиссное окинавское кэмпо, в котором мастерство владения простейшим оружием неразрывно связано с работой голыми руками, и две эти составляющие никоим образом не могут быть отделены друг от друга.

Вся дальнейшая история острова лишь подтверждала древнюю истину, что любой запрет только усиливает сопротивление и будоражит дремлющие силы. «Сухой закон» породил американскую мафию и расплодил гангстеров, а когда в XV веке королю Сё Хаси вздумалось объединить север и юг Окинавы и ввести первый запрет на свободное ношение оружия, это подхлестнуло развитие кэмпо и дало стимул к поиску методик использования в качестве оружия безобидных бытовых инструментов. Не стоит верить сказкам о том, что традиционное оружие Окинавы напрямую родилось от цепов и тяпок. Идея и техники пришли, опять-таки, из Китая,

уже имея многовековую историю и традиции. Они всего-навсего обрели новую родину и претерпели незначительные изменения, оставившие нетронутой сердцевину искусства. Простой пример:

обычные грабли на континенте никогда не рассматривались как сугубо мирный земледельческий инвентарь, но сплошь и рядом использовались в качестве самого настоящего боевого оружия со своим набором преимуществ и недостатков. Свидетельством тому – хотя бы образ одного из героев знаменитой эпопеи «Путешествие на Запад», чудовищного кабана-оборотня Чжу Бацзе (отнюдь не поросенка, как его иногда называют), бессмертного борова, вооруженного волшебными граблями.

Окончательно подлил масла в огонь великий Иэясу Токугава, издав в конце XVII века повторный указ о категорическом запрете на ношение и даже хранение клинкового оружия. Словами дело не ограничилось. Была тотчас проведена первая (но не последняя) *катана-гари*, то есть «охота за мечами», прокатившаяся волной по всей империи и вызвавшаяся на свое-

нравной Окинаве в самых жестоких и крайних формах. Доходило до того, что на всю деревню оставляли единственный нож, прикованный цепью к столбу на площади. Как и следовало ожидать, эта политика привела к созданию тайных сообществ, окончательной систематизации старых и появлению новых стилей кэмпо, а также к лавинообразному росту качественного уровня школ, оживленным идеей сепаратизма. Уже не интуитивно, а сознательно и целенаправленно анализировался и обобщался древний опыт Китая и Японии.

Полный перечень вооружений окинавского кобудо достаточно обширен и включает в себя как деревянные, так и стальные предметы, однако последние, скорее, исключение из правил. Серпы являются оружием изначально, и вопрос лишь в технике работы с ними, тогда как палки и шесты – вещи мирные, требующие очень специфических навыков для превращения их в грозные орудия нападения и защиты.

Из наиболее известных «инструментов» окинавского кобудо можно назвать *бо* (палки всевозможной длины и толщины), *нунчаку*, *тонфа*, *кама* (серп), *сай* (трезубец), *тэкко* (кастеты), *сурутин* (цепь или веревка с грузами на концах), *фундо* (цепь длиной около 60 см с рукоятками на концах) и т. д. Самой оригинальной из этого списка является снасть, представляющая собой нечто вроде узкого полотенца из сыромятной кожи, которое позволяло вязко гасить смертельные удары острого, как бритва, меча, давая шанс для контратаки. Рассмотрим подробнее каждую из техник.

Шест

*Сунь У-кун начал проделывать
разные фокусы со своим посохом —
то он размахивал им над головой,
то вращал вокруг тела,
то подбрасывал его вверх,
то опускал вниз...*

У Чэн-энь. Путешествие на Запад

Бо-дзюцу представляет собой искусство ведения боя с помощью палок различной длины. Существует несколько более или менее канонизированных размеров оружия, в зависимости от чего меняется и его название. Ориентировочно такой перечень выглядит следующими образом: *тамбо* – палка (часто суковатая) длиной около 50 см;

ханбо – «половинный *бо*», от 90 до 110 см;

дзё – несколько более тонкая палка, от 120 до 150 см;

рокусяку-бо – шест длиной 182 см (6 сяку);

хассяку-бо – длинный шест, до 240 см (8 сяку).

Как мы видим, длина предмета не ограничена строго, а зависит от личных вкусов владельца, его роста, телосложения, принадлежности к тому или иному стилю и т. д. Обозначение длинных шестов является производным от японской меры длины *сяку* (30,3 см) с указанием количества этих единиц. Наиболее популярной является работа с *ханбо*, *дзё* и *рокусяку-бо*. Соответственно, и техники для данных разновидностей оружия проработаны полнее и глубже.

Обращение с *ханбо* внешне слегка напоминает кэн-дзюцу – в том случае, когда палку держат двумя руками за один край, словно меч, нанося ею все известные круговые и тычковые удары. Однако, уступая клинку в способности рассекать, дубинка дает немалые преимущества, позволяя совершать массу скользящих движений руками по всей своей длине, что сильно расширяет спектр приемов. Например, это дает возможность совершать непредсказуемые и коварные тычковые удары «с выносом», значительно и неожиданно увеличивая рабочую дистанцию и поражая противника на расстоянии до двух шагов, а также выполнять ряд перехватов, характерных, скорее, для *нунчаку-дзюцу*, и атаковать в нестандартных ракурсах.

Также можно удерживать ханбо за центр, что породило массу оригинальных вариаций. Нелишне заметить, что сам Миямото Мусаси в зрелые годы почти полностью отказался от стального меча, предпочитая деревянный *бо-кэн*, который в чем-то аналогичен ханбо, если не принимать близко к сердцу легкий прогиб и овальность сечения. Причем он не раз одерживал этим оружием блестящие победы над противниками, чьи руки сжимали великолепные мечи работы знаменитых мастеров.

Техника дзё (джо) пользуется традиционной популярностью у приверженцев айкидо и дзю-дзюцу, где приемы с этой палкой составляют отдельный раздел «айки-дзё» и являются необходимой частью квалификационных требований. Вся база дзё-дзюцу детально проработана в варианте атак и защит, использующих палку и в качестве оружия, и против нее.

В целом рисунок движений заметно отличается от практики иных окинавских школ, внешне повторяя манеру айкидо – он имеет явно круговой характер и плавный, стремительный ритм. Очень подробно разработаны броски с помощью дзё, а также болевые замки и фиксация уже лежащего противника. Акценты сдвинуты с внешней «физики» движений на глубинные, «внутренние» моменты и требуют постоянных вдумчивых тренировок, как, впрочем, все, что относится к древнему искусству дзю-дзюцу.

Рокусяку-бо – наиболее известное и популярное оружие, почитаемое несметным числом школ самой разнообразной ориентации. В обязательном порядке изучается почти во всех традиционных стилях окинавского каратэ, именуется обыкновенно просто «бо» и представляет собой круглый или граненый шест диаметром 3 см, изготовленный из дерева твердых пород. Технический арсенал приемов с шестом настолько обширен, что позволяет сосуществовать целым направлениям и школам, весьма не похожим друг на друга. Очень грубо и приблизительно можно попытаться выделить две разновидности техник – окинавского и китайского типов, хотя первая и является вполне законнорожденной дочерью второй. Те, кто видел фильмы о похождениях шаолиньских монахов, легко поймут, о чем идет речь. Для китайской боевой традиции вообще характерна склонность к сложным, многоплановым и хитроумным построениям, которые при всей бесспорной эффективности чрезвычайно эстетичны. Работа с шестом здесь строится на обилии круговых движений, часто с оборотами вокруг тела. Шест, который нередко держат за один край, совершает стремительный полет по широким спиральям, восьмеркам и эллипсам, то взлетает, то опускается, то выходит на тычковый удар. Много подсечек. Порой оружие используется как опора для совершения прыжка или высокого удара ногой. Шест вообще являлся и является до сих пор «фирменным» оружием монахов, а также адептов ушу стиля обезьяны, традиционно восходя в этом к легендарному царю обезьян Сунь У-куну, Великому мудрецу, равному Небу, и его знаменитому железному посоху толщину с чашку.

Окинавская работа отличается простотой, лаконичностью и жесткостью, если не сказать – жестокостью. Преобладают короткие тычковые и компактные, не размашистые круговые удары и защиты, несущие в себе, тем не менее, смертельную мощь. Уступая китайским техникам в эстетике, они, безусловно, надежны и действенны, что проверено историей. Существует множество колоритных ката с шестом – наследие великих мастеров прошлого, закодировавших и донесших таким образом до наших дней традиционное искусство работы с этим прекрасным предметом, по праву названным «матерью всего оружия».

Хассяку-бо и кюсяку-бо – длинные шесты, соответственно по 240 и 270 см. В наши дни они гораздо менее популярны, чем универсальная «двухметровка». Хотя эдакая оглобля и предоставляет владельцу известные преимущества в бою на длинных дистанциях в чистом поле, вместе с тем она требует обширного свободного пространства и практически бесполезна в лесу, на улице, среди заборов и в других подобных местах, равно как и в густой толпе. Тех-

ника работы не отличается какими-либо особенностями, разве что чаще используются широкие круговые движения, сметающие подсечки с хватом двумя руками за один конец, да еще очень длинные выносные удары по всем уровням. В отличие от стандартного шеста, такие удары несут в себе большую силу из-за тяжелого веса предмета и оттого, что путь его разгона длиннее, чем в случае с коротким оружием.

Соответственно, в разных регионах и школах применялись и применяются различные типы шестов. Так, если на Окинаве классическим считается именно рокусяку-бо, тяжелый и жесткий, то для китайской традиции характерен более длинный (свыше двух метров), эластичный, гибкий шест, совершающий в момент фиксации удара упругие колебания, что используется в качестве технического элемента. Несмотря на длительные беседы со знакомыми китайцами, мне так и не удалось выяснить, из какого именно дерева изготавливаются такие шесты. Некоторые говорят, что из бука, но это вздор. Скорее всего используется какая-то хитрая южная порода.

Вообще о всевозможных разновидностях палок и об искусстве боя с ними можно говорить бесконечно, так как именно палка, какой бы длины и толщины она ни была, абсолютно бесспорно является древнейшим из всех прочих видов оружия. И ничто другое не представляет само по себе оружия в меньшей степени, нежели обыкновенная палка, легко приобретающая в опытных руках почти абсолютную эффективность.

Тонфа

*Прохор, принеси-ка пистолет,
Да костыль чугуный не забудь!*
Л. Сергеев

Тонфа (реже – туйфа) олицетворяет собой как бы визитную карточку окинавских боевых искусств, являясь оригинальным и уникальным оружием, присущим почти исключительно данному региону. Конструктивно это все та же короткая палка, но с добавочной поперечной рукояткой.

Чаще всего происхождение тонфа выводят от рукоятки мельничного жернова. Вполне возможно, что на Окинаве существовали в точности такие рукоятки, однако гораздо достовернее выглядит версия исхода идеи тонфа опять же из Китая, где задолго до появления проблесков цивилизации на островах Рюкю уже всюду дрались с использованием оружия, именуемого *гуай* (боевой костыль), или «костыль хромого Ли», по прозвищу одного из даосских бессмертных, Ли Тегуая. Вот он на фото (нэцкэ, Япония, XVIII в) со своим знаменитым костылем. Но китайский прототип длиннее, тоньше и не имеет явно выраженной «головки» на рукояти,

что очень существенно влияет на технику движений. Кроме того, на Окинаве с самого начала тонфа стали использовать в парном варианте, для обеих рук, тогда как на континенте длинный костыль часто подхватывался второй рукой за дальний конец. Это давало ряд сложных скруток, подставок, зацепов и перехватов, каковые почти полностью отсутствуют в окинавских стилях из-за иной геометрии оружия и его парности.

Как все прочие палки, тонфа изготавливаются из тяжелой древесины и могут различаться формой сечения, весом и пропорциями, хотя и в небольших пределах. Гораздо заметнее дистанцированы друг от друга школы и стили работы с этим оружием, но лишь преобладанием каких-то одних элементов над другими. Перевес в сторону тычковых, круговых либо полнооборотных движений с прокруткой рукояти в кулаке создает неповторимый пространственный рисунок и может служить отправной точкой для идентификации стиля. Также в некоторых

случаях применяется тонко проработанная техника перехватов тонфа за длинный или короткий конец с использованием поперечной рукояти для остроумных зацепов, заломов, болевых замков и удушений. Именно этот раздел взят на вооружение полицией многих стран, применяющей его для фиксации и конвоирования задержанных преступников.

Тем, кто знаком с техникой каратэ любого стиля, не составит особого труда освоить работу с тонфа, поскольку все манипуляции с зажатыми в кулаках брусками полностью повторяют классическую базу боков и ударов «китайской руки». Дополнительной проработки требуют лишь обороты оружия вокруг рукояти как оси вращения да нехитрые перехваты, зацепы и скрутки. Данный раздел предоставляет обширное поле деятельности любителям изобретать собственные комбинации и сочетания известных приемов, так как довольно сильно зависит от личных особенностей телосложения и склонности к тем или иным способам «убеждения» противника.

Однако, как и во всех боевых искусствах, кажущаяся простота скрывает под собой необходимость многолетнего упорного труда, а даже вполне элементарное движение типа прямого удара или восходящего фронтального блока требует тысячекратных повторений при самом внимательном, критическом и вдумчивом отношении. Только при таком подходе незамысловатые рукоятки дадут своему владельцу стопроцентную возможность побить любого противника – хоть с ножом, хоть с ломом в руках. Остается добавить, что издревле особенным мастерством в изготовлении и применении тонфа на Окинаве славились район Цукэнситахаку и близлежащий островок Хамахига. Это нашло отражение в названии одной из популярных ката – Хамахига-но-тонфа. В настоящее время тонфа-дзю-цу входит как обязательный раздел в программу ряда школ традиционного каратэ.

Нунчаку

*Эх, милая моя! И видом ты неказиста, как
та самая длиннохвостая сова из Сига,
и правом настоящая деревенщина...*

Сказание о Ёсицунэ

Слова, взятые в качестве эпиграфа, в точности характеризуют неказистые и с виду абсолютно безопасные палочки, соединенные веревочкой, ведущие родословную от самого обыкновенного крестьянского цепа для молотьбы.

В современном мире нунчаку завоевала столь громкую популярность, что трудно отыскать уголок, где всякий мальчишка не знал бы этого простого восточного оружия. Ничто более не может соперничать с нунчаку по известности, основу которой положил, как принято считать, победоносный Брюс Ли, продемонстрировавший с экрана виртуозную работу дотолем неведомым инструментом. Начавшийся вслед за этим повальный бум привел в итоге лишь к тому, что уголовные кодексы большинства стран признали нунчаку холодным оружием со всеми вытекающими карательными последствиями. В глазах публики нехитрые дубинки предстают сегодня чем-то вроде «абсолютного оружия», хотя в действительности дело обстоит совершенно иначе. Этот факт нашел отражение даже в специальной (для служебного пользования) справочной литературе, где работникам следственных органов и судов рекомендуется в каждом конкретном случае учитывать степень владения предметом, поскольку эффективность и опасность нунчаку находятся от этого в самой прямой зависимости. Человек, впервые взявший в руки финку, может, не напрягаясь, уложить на месте и двоих, и троих, но если он размахнется нунчаку, то наверняка прибьет лишь самого себя. Попав же случайно по противнику, в худшем варианте оставит того с огромной болезненной шишкой на самом красивом месте –

неприятной, но безопасной для жизни. Убийство в данной ситуации может носить исключительно непреднамеренный характер. Однако с ростом тренированности эффективность действий с нунчаку растет так стремительно, что очень скоро начинает превосходить любые ножи, ломы, топоры и прочий страшный инвентарь. Умелая работа «палочками на веревочке» производит гипнотическое впечатление, способное отрезать самого отпетого агрессора, не говоря уж о том, что первый *реальный* удар вдребезги разбивает кисть вооруженной руки, а второй проламывает кости черепа.

История нунчаку аналогична и параллельна истории тонфа. Первоначально идея соединения двух или более дубинок гибкой связкой зародилась, как и многое другое, в Китае, где нашла воплощение во множестве вариантов так называемого секционного оружия. Начав жизненный путь от крестьянского цепа для обмолота рисовых снопов, оно вскоре превратилось в самостоятельное и обширное семейство в длинном ряду боевых приспособлений. Но китайцы не были бы китайцами, не создай они бесчисленного разнообразия таких предметов, хотя основных разновидностей не так уж много.

Прежде всего секционное оружие можно классифицировать по числу элементов в связке – от двух до двенадцати и более. Однако наращивание количества переводит снасть в иное качество, приближая ее к цепям и лишая существенных преимуществ. Реально заслуживают внимания только двух- и трехзвенные варианты. Длина каждой отдельной дубинки и их взаимные пропорции не играют особой роли и слабо влияют на технику использования в бою. Здесь можно упомянуть двухзвенный шест *лянцзегунь* с длиной плеч до одного метра, а также чрезвычайно популярный, эффективный и знакомый нам по многочисленным китайским фильмам трехзвенный *саньцзегунь* с 60-сантиметровыми секциями. Известными мастерами орудовать им были все те же шаолиньские монахи.

Окинавцы, поставленные в невыносимые условия категорическим запретом на ношение любого режущего оружия, как никто сумели оценить и развить идеи китайцев, воплотив их в незначительно измененном виде в то, что известно сегодня всему человечеству как нунчаку. Китайский прототип отличается чуть более длинной (два-три кулака) связкой между брусками, и именно его мы наблюдаем в руках Брюса Ли. Окинавский стандарт составляет один кулак (около 10 см) при длине брусков до 34 см. Классической «островной» нунчаку, вероятно, следует признать восьмигранные дубинки с небольшим конусным сужением от конца внутрь (см. предыдущее фото), соединенные тонким шелковым (теперь капроновым) шнурком указанной длины. В прежние века окинавское простонародье не знало токарных станков, тем более по металлу, поэтому популярные и весьма удобные в работе современные изделия с вертушками на шарикоподшипниках, да еще с возможностью угловых компенсаций, никак не могут считаться традиционными, равно как и точеные круглые нунчаку с поясками для удобства удержания.

Оружие, оснащенное цепочкой, гораздо тяжелее, так как требует для сохранения баланса нагружать внешние концы брусков заделкой свинца или насадкой массивных стальных (латунных, бронзовых) колец. Зато такая штука позволяет уверенно ловить цепью ножи и другие острые предметы, способные перерезать шнурок, а также формирует существенно более жесткий захват конечностей противника, включая шею – вплоть до перелома. Увы, именно «цепные» экземпляры приводят служителей закона в особенный гнев и навлекают на бедовую голову его неосторожного носителя кары гораздо более тяжкие, чем в случае с якобы безобидными веревочками.

Таким образом, повсюду мы видим и сильные, и слабые стороны. Если же принять во внимание индивидуальность пропорций тела, физического потенциала и личных вкусов, то перед желающим освоить свои нунчаку открывается самый широкий выбор.

Техника работы, как и в случае с шестом, также может быть условно поделена на окинавскую и китайскую, характерные особенности которых нам уже известны. Китайский метод – это виртуозная ловкость непрерывных эллипсов, восьмерок, перехватов и переводов оружия с одного уровня на другой, из плоскости в плоскость, а в целом – явное преобладание скоростных круговых ударов в самых немыслимых ракурсах. Движения сливаются в один нескончаемый полет, сопровождаемый шелестом воздуха. В окинавском подходе заметна большая доля тычков как одним, так и двумя брусками одновременно, часты захваты руки противника в замок, удушения с забросами шнура вокруг шеи (*дзимэ-вадза*) и прочие вариации ближнего боя. Чисто внешне окинавская работа выглядит лаконичнее, жестче и основательнее, хотя на деле ни то, ни другое течения не уступают друг другу. В конечном итоге гораздо больше значат личные качества мастера, нежели стилевые нюансы, тем более, что отчетливой границы провести невозможно.

Однако практика показывает, что существует изрядный, но малозаметный для неопытного глаза разрыв между действительным и мнимым мастерством. Очень многие из тех, что приходят сегодня заниматься в группы кобу-до, уже владеют в какой-то степени техникой нунчаку из-за ее популярности и простоты изготовления, а также наличия достаточного числа брошюр с описанием базовых приемов. И вот, хотя человек способен ловко и замысловато вращать и перехватывать из руки в руку свое оружие, при ближайшем рассмотрении обычно выясняется полнейшее отсутствие четко поставленного удара, а о блокировках и говорить не

приходится. То есть – налицо всего-навсего недурно отработанное умение жонглировать предметом. Результатом подобных движений может быть лишь подбитый глаз, ушибленная рука да лиловые шишки на телесах вашего оппонента.

Реальная техника нунчаку требует долгой, монотонной, скучной, болезненной и вдумчивой тренировки на месте и в перемещениях, с открытыми глазами и вслепую, быстро, медленно и т. д. Особенно тщательно следует прорабатывать кистевые движения, ибо сильная кисть и гибкое запястье – единственный ключ к сердцу капризных палок. Но как раз это и отсутствует у большинства доморощенных мастеров. Не стоит также заниматься нунчаку и только нунчаку – это тупиковый путь. В старину каждый мастер являлся универсалом, одинаково успешно орудуя как голыми руками, так и любыми предметами. Невозможно достичь успеха в одном, игнорируя все остальное. В китайской песне говорится:

*Сын хорошего лучника
Сначала должен плести корзины,
Сын хорошего литейщика
Сначала должен шить шубы.*

На практике отличные результаты дает нехитрый метод: после двух-трех месяцев напряженных занятий, скажем, с шестом следует на какое-то время позабыть о нем и переключиться, например, на тонфа, ханбо или что-нибудь еще. Зато потом, вернувшись к технике шеста, вы будете приятно удивлены качественным прогрессом, возникшим словно бы ниоткуда. На самом деле внутренняя подсознательная работа никогда не прекращается, продолжая где-то в глубине шлифовку и фильтрацию усвоенного материала. Он сортируется и раскладывается по полочкам, обогащаясь одновременно иными, но родственными элементами. Поэтому, усиленно тренируясь с нунчаку, вы тем самым «точите» себя в комплексе – ведь базовые перемещения, позиции и т. п. одинаковы для всех стилей кобудо и каратэ.

Особенное значение в нунчаку-дзюцу имеют упражнения на снарядах, так как, в отличие от иных разновидностей оружия, секционные предметы слабо контролируемы и опасны для владельца. Все современные защитные приспособления в комплекте с легкими пластиковыми нунчаку, помимо того, что стоят немислимых денег, способны лишь испортить ученику реальную традиционную технику. Скорее всего такая оснастка годится исключительно для спортивных соревнований и не имеет к подлинному боевому искусству ни малейшего отношения. Из упомянутых же снарядов наилучшим образом зарекомендовали себя набитые песком пополам с опилками отрезки пожарного рукава большого диаметра, длиной полтора-два метра. Будучи подвешенным, такой рукав позволяет наносить все типы ударов на любом уровне, а также производить удушающие захваты. Но особенно хороши в этом качестве отрезки гимнастического каната, связанные параллельно в жгут по несколько штук вместе. Разумеется, идеальной мишенью мог бы служить борцовский манекен из натуральной кожи, полностью имитирующий человеческую фигуру. Беда в том, что через пару недель интенсивных тренировок дорогостоящая снасть расплзется на лоскуты.

Вообще же при занятиях с нунчаку основной упор следует делать не на ломовую силу ударов, а на ловкость, скорость и точность. Такую точность, чтобы вы могли чувствовать дистанцию до сантиметра и были бы способны снести огонек сигареты, не повредив ее. Тренировки с напарником сводятся к отработке блоков от любого холодного оружия, включая ножи, а также захватов его рук и шеи. Искусство это хитрое, требующее тонкого понимания противника и отменной проворности в движениях. Лучшим подспорьем здесь служит базовая техника айкидо и дзю-дзю-цу. В бою против нескольких противников, да при наличии обширного пустого пространства известные преимущества может дать умение работать с двумя нунчаку,

но это высший пилотаж. Стоит также заметить, что в подобной круговерти мы лишаемся возможности совершать перехваты из руки в руку.

Таким образом, стремление овладеть старой окинавской игрушкой на деле оборачивается необходимостью посвятить ей часы, дни и годы самоотверженного, порой болезненного труда – к счастью, вполне благодарного, если только личные морально-этические установки не препятствуют изучению, строго говоря, жестоких приемов обхождения с согражданами. Ну и, разумеется, ношение нунчаку преследуется уголовным кодексом, так что привычка таскать любовно изготовленные палки может обернуться кое-каким тюремным сроком.

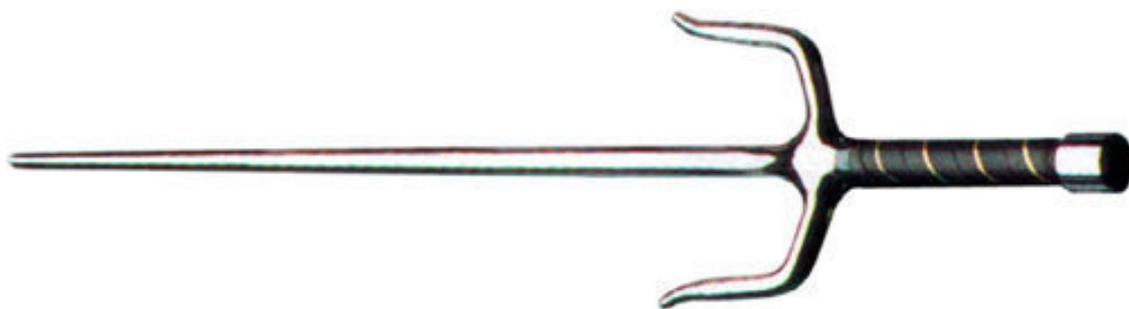
Серпы, «вилки» и прочее железо

*Я бесов самых закаленных
Умею побеждать в бою,
И оборотней вероломных
Мгновенной смерти предаю!*
У Чэн-энь. Путешествие на Запад

Поистине, в отличие от деревянных видов традиционного оружия, которым все же легче избить, чем прихлопнуть наповал, перечисленные далее стальные предметы убивает наверняка и именно мгновенно.

Из металлического оружия Окинавы самым известным является стальной трезубец *сай* с длинным, до 40 см, центральным клинком (точнее, прутом) и отходящими от него в стороны фигурными усами *ёки*, образующими нечто вроде гарды. Рукоятка длиной в один кулак заканчивается овальной либо заостренной шишкой, позволяющей наносить точечные удары.

Традиционный окинавский сай изготавливается цельнокованым из единого куска металла, но современные фирмы, производящие спортивное оружие большими сериями, попросту приваривают ёки к выточенному на токарном станке прутку с последующей термообработкой, шлифовкой и хромированием. Несмотря на удобство в работе и привлекательный внешний вид, такие сай нельзя считать абсолютно традиционными. Вдобавок головка их рукояти всегда цилиндрическая, с плоским торцом, не способствующим фокусировке удара.

Сай-дзюцу как обязательный раздел входит, наряду с бо-, тонфа- и нунчаку-дзюцу, в программу большинства старых школ окинавского каратэ. В прежние лихие времена мастера носили обыкновенно три сай – два для фехтования обеими руками и один – в качестве запасного либо метательного. Техника работы с этими довольно увесистыми предметами требует гибких, крепких кистей и строится на переходах клинка с прямого на обратный хват проворотом вокруг большого пальца. Именно этой цели служат плавные изгибы и пропорции «усов», позволяющие к тому же захватывать, словно в ловушку, оружие противника. Наиболее действенными атакующими приемами являются прямые тычковые удары и мощные круговые выбросы изнутри наружу, то есть из базового обратного хвата – на прямой. Для блокирования

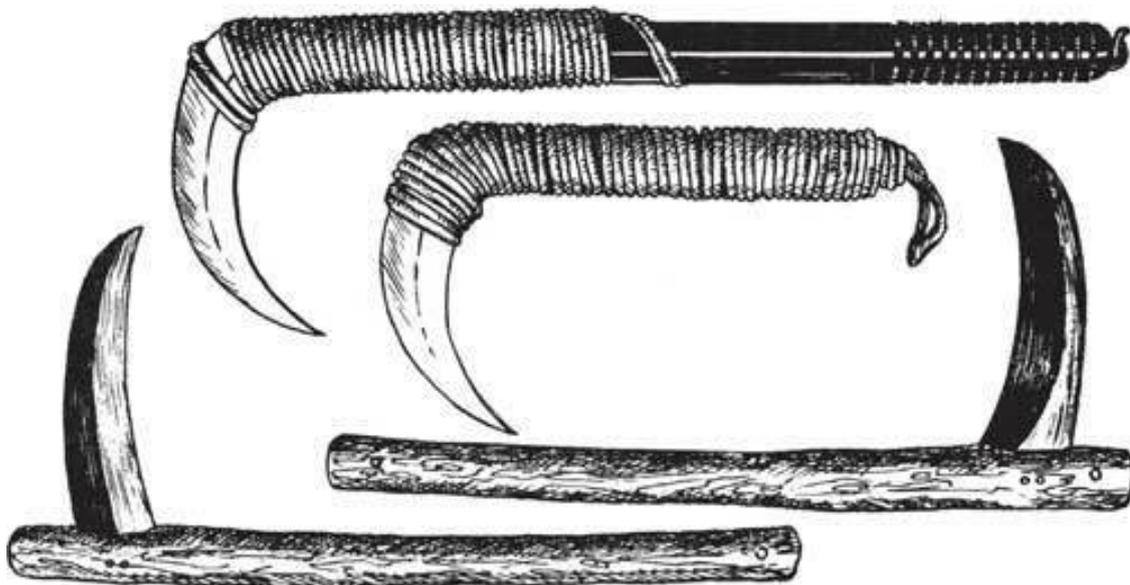
чаще всего используется взятый обратным хватом сай, клинок которого лежит вдоль предплечья, от кисти до локтя.

Будучи выкованы из добротной стали, трезубцы в руках мастера давали шанс не просто выжить в бою с опытным фехтовальщиком, но одержать победу в схватке с несколькими противниками. История умалчивает, откуда возникла идея такого оружия и техника работы с ним, хотя ряд источников непосредственным предком сай называют металлическую вилку для рыхления почвы либо трезубцы «ваджра» – один из основных графических символов и ритуальных предметов буддизма, наподобие семи-свечника в синагоге.

Что характерно: человек, задавшийся целью овладеть искусством сай-дзюцу, не добьется абсолютно ничего, если для начала не освоит хотя бы базовой техники любого стиля каратэ, так как никогда за всю историю Окинавы эти дисциплины не существовали отдельно одна от другой.

В кинематографе работа с сай представлена слабо, буквально эпизодически, поэтому у широкой публики отсутствует представление о технике работы с этим предметом. Мастерское, хотя и показанное мимоходом (потому что фильм не голливудский, а японский) владение сай демонстрирует уже упоминавшийся Шинтаро Кацу в роли току-гавского полицейского-мэцукэ Ханзо по кличке Лезвие, убившего и покалечившего множество негодяев.

Менее известным, хотя даже более грозным, чем сай, является серп *кама* – вероятно, самое эффективное оружие после меча. Недаром его так любили предусмотрительные реалисты ниндзя, да и самураи охотно пополняли им классический арсенал. Даже отдаленно не напоминая привычный европейский серп, окинавский кама более всего похож на миниатюрную косу для одной руки или на ледоруб с заточкой нижней кромки клюва.

В отличие от сай или нунчаку, серп есть орудие труда в чистом виде, без каких-либо существенных особенностей конструкции, хотя и существуют различия между исконно крестьянским и боевым серпами. Рукоятка первого заметно короче, вытянутой грушевидной (часто, но не всегда) формы, а небольшой клинок отогнут вниз, как клюв попугая. Второй имеет длинную прямую рукоять и более длинный, мощный клинок, размеры которого могли быть весьма впечатляющими, под стать хорошей косе.

Как и сай, серпы применялись в паре. Арсенал приемов с ними обширен и замысловат, но базовый принцип всего один – передняя рука отводит оружие противника в сторону, а вторая атакует круговым движением с протяжкой на себя или без таковой. Поражающее действие

серпа проявляется в точечном клевке, способном пробить стальной шлем (то же самое, только успешнее, делали в средневековой Европе с помощью граненых клевцов) или в подрезающем ударе, особенно эффективном, когда целью были руки, ноги или шея. Из-за неприятной особенности серпов обходить препятствие своим длинным жалом их размахи чрезвычайно трудно заблокировать.

Коварные ниндзя модернизировали серп, добавив к нему длинную цепочку с грузом на конце – и получили иное оружие, именуемое *гусари-кама*. Его невозможно было использовать в паре, зато возникли неожиданные варианты с хитрыми захлёстами цепью ног и рук врага, а также обратный вариант, когда сам серп раскручивался широкими кругами, поражая все и вся на значительном расстоянии. Правда, остается неясным вопрос, каким образом происходила ориентация клинка острием строго *по ходу* движения.

Помимо чисто боевого применения, эта снасть могла также использоваться в качестве дополнительной точки опоры, как забрасываемый наверх якорь, что очень характерно для «невидимок», стремившихся к максимальной универсальности своего инвентаря. Кстати, вслед за ниндзя многие самураи успешно освоили гусари-кама в качестве подсобного оружия, компактного и легко маскируемого в одежде.

К сказанному остается добавить лишь то, что более нигде в мире, а уж в Европе и подавно, мы не встречаем подобного оружия, да и на японских островах, включая Окинаву, подлинных мастеров кама-дзюцу совсем немного, во всяком случае гораздо меньше, чем знатоков прочих традиционных техник.

Японский меч: реальный и виртуальный

*Он был плавлен в огне небывалом,
Он стократную испытал закалку,
И в сраженьях непобедимым стал он,
От такого меча помереть не жалко!*
У Чэн-энь. Путешествие на Запад

Я не хочу навязывать своего мнения, однако многие специалисты, в том числе западные, отводят японскому, или самурайскому, мечу первое место в воображаемом рейтинге среди всех разновидностей холодного клинкового²³ (и не только) оружия за всю историю человечества. Вероятно, это справедливо, так как не сыскать больше предмета, настолько полно отвечающего своему предназначению, и столь же гармоничного в разных вариантах использования для реализации этого самого предназначения.

Однако перед нами не учебник кэндзюцу, и тема японского меча затронута лишь постольку, поскольку существует глубоко проработанная методика тренировки с ним (или с его деревянным макетом), направленная на филигранную шлифовку решительно всех компонентов боевого искусства вне зависимости от стиля или школы.

Проще говоря, занимаясь подобным образом, удастся великолепно проработать как чисто внешние (осанка, управление центром тяжести, выносливость, дыхание, чувство ритма), так и достаточно тонкие внутренние моменты – взгляд, распределение внимания, циркуляцию энергии и т. д.

Каллиграфия «Мечи»

Безусловно, практиковаться лучше с настоящим стальным клинком, коих сегодня не счесть в ножевых и сувенирных магазинах²⁴, хотя даже в самой Японии для подобных целей

---

²³ Разумеется, если оружие не имеет вытянутого клинка, заточенного с одной или со всех сторон, оно не будет клинковым, оставаясь притом холодным. Например – все виды топоров или окинавский трезубец-сай.

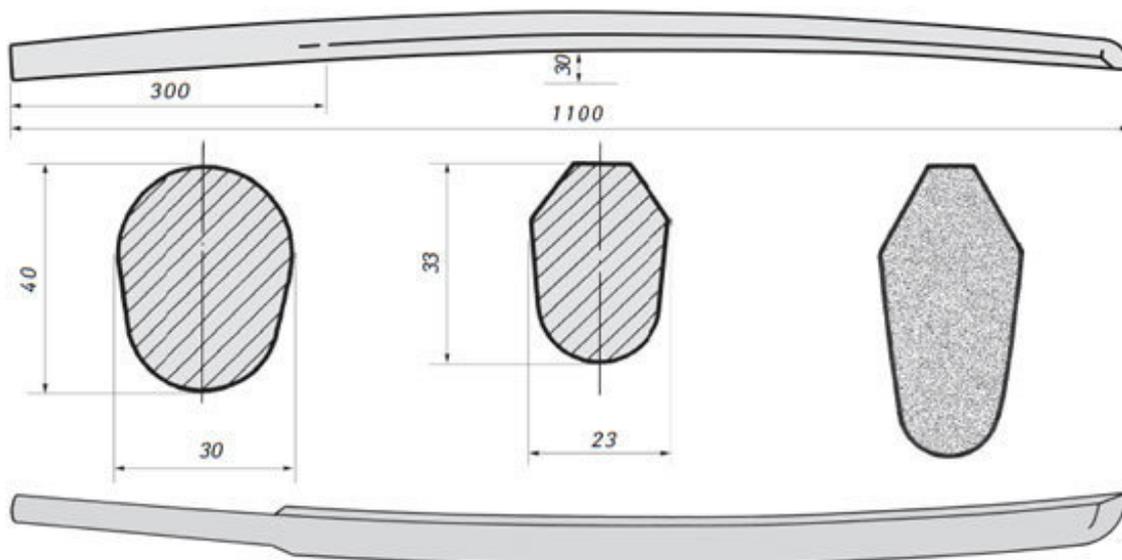
²⁴ Проблема в выборе, так как среди вороха никчемного хлама изредка попадаются вполне достойные рабочие экземпляры.

используют его деревянный аналог, именуемый «бокэн», или (реже) «бокуто». На мой взгляд, вопреки сложившейся традиции, второй термин правильнее, поскольку «кэн» означает прямой меч, а «то» – изогнутый, тот, что и будет у нас в руках. Ну, да ладно.

Бокэны также продаются в спортивных магазинах, но если вы не живете в крупном областном центре, поиски будут тщетны, поэтому ниже приводятся эскизы, по которым легко изготовить бокэн в домашних условиях, пользуясь простыми инструментами.

Самые предпочтительные породы для выделки бокэна – граб, ясень, акация, бук, дуб либо что-то аналогичное, плотное и тяжелое.

Проще всего выстругать криволинейный профиль из заготовки, используя специальный «горбатый» рубанок, но при этом мы получим наклонное направление волокон, когда слои обрываются на выпуклой стороне изделия. Если оно предназначено для контактной «стукотни», долго такому бокэну не жить, и в один «прекрасный» момент у вас в руках окажется обломок. Чтобы избежать подобной участи, заготовка должна быть предварительно изогнута в распаренном виде на оправке, высушена в течение одного-двух месяцев и только потом пущена под нож. Если брусок имел прямослойную текстуру без изъянов, то рожденный им бо-кэн легко выдержит сотни и тысячи ударов, не расколовшись и даже не треснув.

Эскиз бокэна и субури-то. Поперечные сечения их рукояток идентичны, но “клинок” последнего вдвое шире при той же толщине.

Теперь о геометрии. Максимальное по толщине и ширине сечение приходится на переходную зону рукоятки в собственно клинок, затем оно плавно истончается. Сечение самой рукоятки также немного уменьшается к торцу, который следует обойти фаской и слегка закруглить кромку. Собственно, весь профиль изделия образуется посредством строгания небольшими рубанками (прямым и «горбатым») с доводкой наждачной лентой. Степень прогиба клинка определяется расстоянием от спинки до прямой линии, соединяющей острие с торцом рукоятки. Среднее значение равно ширине клинка, однако любители необычного могут увеличить или уменьшить его в полтора-два раза, соорудив для себя либо особенно кривой, либо почти прямой бокэн.

Поэтому, отправляясь за недешевой покупкой, прихватите понимающего в этом товарища, а при выборе смотрите на качество клинка, не обращая никакого внимания на варварскую роскошь отделки. Чем меч скромнее, тем лучше.

Общая длина колеблется от 100 до 110 см, но не соблазняйтесь легкостью и простотой манипуляций с короткими клинками – применительно к российским стандартам телосложения можно говорить о возможности увеличения длины даже до 120 см. Нет ничего комичнее, чем коротышка в лапах валдайского дуболома ростом под потолок, коему гораздо больше подошла бы оглобля. Длина меча должна быть такой, чтобы для его извлечения из ножен – реального или воображаемого – доставало бы руки, а требовалось подключать плечевой пояс и все тело в целом. Мода на укороченное оружие пошла из Америки и Европы, где толпы адептов экзотического дива попросту облегчили себе жизнь, не вдаваясь в исторические тонкости. Между тем в руках настоящих мастеров мы видим очень длинные клинки, кривые и зловещие.

Готовый бокэн следует покрыть лаком, чтобы защитить древесину от зимней сырости и пересыхания жарким летом. Другой, более традиционный и эстетичный способ – пропитать поверхность растительным маслом (лучше всего льняным, но подойдет и подсолнечное) в несколько приемов, с промежуточными выдержками от двух до пяти суток. Эти масла, помимо пропитки, создают долговечную защитную пленку. А эстетика упомянута здесь вот почему: пропитывая древесину, масло чудесным образом делает ее полупрозрачной, выявляя скрытые нюансы текстуры. Кроме того, если сушить изделие на открытом солнце, может меняться (точнее, становиться более насыщенным и ярким) цвет. Например, красное дерево, подвергнутое подобной процедуре, приобретает дивный вишневым оттенок, не достижимый никаким иным образом.

* * *

Однако для полноты счастья простого бокэна мало. Чтобы ваш прогресс был ошеломляющим, необходимо обзавестись еще специальным утяжеленным мечом «субури-то» для практики в субури. Это не что иное, как длительное и монотонное размахивание мечом сверху-вниз, направленное на развитие силы, постановку дыхания, правильной геометрии ударов и всего тела в пространстве. Внешне субури-то напоминает бокэн с немного расширенным, как весло (до 50—60 мм), клинком. Длина также увеличена (порядка 115—130 см), а рукоятка обыкновенная.

Махать подобным чудищем – занятие неслабое, но я знаю людей, которые постоянной практикой достигли того, что им стало мало дубового субури-то, захотелось чего-нибудь покруче²⁵. Во всяком случае после этих игр простой меч кажется невесомой безделушкой. Однако некоторые школы пользуются еще более экстремальными методами, включив в арсенал утрированно толстый бокэн, заслуживающий, скорее, названия бревнышка. Держать его неудобно и трудно, но польза фантастическая, поскольку кисти рук вынужденно приобретают обезьянью цепкость, а захват становится воистину железным.

* * *

Обещанный виртуальный меч есть абсолютно необходимый образ, который *всегда* должен «присутствовать» у вас в руках во время занятий айкидо, дзю-дзюцу и другими системами, предполагающими броски.

---

²⁵ В настоящее время действительно «упертые» вояки поголовно обзаводятся текстолитовым инвентарем, который заметно прочнее и, разумеется, тяжелее деревянного раза в полтора.

Техника *субури* внешне проста до чрезвычайности, но и одновременно сложна, если понимать и вдумчиво практиковать ее многочисленные внутренние аспекты, упомянутые выше.

Исходным положением является стойка «всадника», или кибя-дачи (яп.), она же – ма-бу (кит.). Ступни параллельны.

Меч (бокэн) держим перед собой, диагонально, от середины живота до уровня глаз, и не перпендикулярно предплечьям, а как бы в продолжение линии рук, так, чтобы рукоятка упиралась в центр левой ладони. Левая рука – шарнир, правая – ведет движение, но обе руки работают согласованно.

Далее следует замах до крайнего заднего положения, при котором бокэн свисает вертикально вдоль позвоночника, не касаясь его (другой, более лаконичный вариант – в конечной фазе замаха меч остается над головой, чуть наклонно, острием вверх). Затем с небольшим проседанием или без такового «рубим» прямо перед собой почти до земли. Важно, чтобы траектория была абсолютно отвесна и центральна, проходя через линию носа. Замах – вдох, удар – выдох. Работа длится от пяти минут до часа и более.

При этом великолепно «ставится» дыхание, стойка («всадник» по справедливости считается одной из самых важных позиций), привычка держать ровную спину и т. д. Без практики субури никогда не достичь успехов в айкидо, дзю-дзюцу и во многих иных школах.

Человек и оружие

*Что бы ни стало
Делать твоей руке —
Делай это со всей мощью!*
Эклизиаст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.